

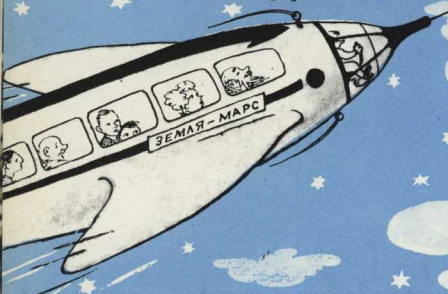
СМЕНА

13
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДАЕШЬ НЕБО!

Рисунки Е. Гурова

Слов
оточенный нож
воздай
в грядущую небывал
Даешь небо!

— Куда, детвора?
Обедать пора! —
Нинкай кухни,
нинаного быта!
Летают сервированные
арзостоловые Нарпнта.
Стал
и сел.

Езля
и съел.
Хочешь — из двух,
хочешь — из пяти,
на всякий дух,
на всякий аппетит.
Посуды —
самоубирающаяся.
Поел —
и вон!

Звоню. — Алло!
А! Это ты! Не разбираю имя я...
Еду! Привет, любимая!
Немедленно! В пять минут
небо перемахну всю его длину.
В такую погоду прекрасно едётся.
Жду у облака — под Большой Медведицей.

...Сын рассказывает:
— Сегодня случайно
крыло поломал. Пересел к Петьке,
а то б опоздал.
Освободился на урок арифметики.
пслетели на час (урока нету),
с Петью ловить комету.

Б-о-о-л-ьшущая!
Еле
вдвоем
А потом
В школу
С версту — рост.
удермали за хвост.
выбросили —
большая больно.
кометы таскать
не позволено.

Дерева поручила маленькое деланцо.
Куда —
тан я нарочно мушны,
искусственными туманы.
Наро сделать дождь, да чтоб — без града.

Аэробус
ЗЕМЛЯ-МАРС

Чтоб в будущем
ракетой
и я,
вот эти
веке
жизнь человека
неспас в небеса, —
уставая
из вечера в вечер,
строи
писал.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Июль. № 13, 1958 год.

Год
издания
35-й

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Из поэмы «Летающий пролетарий»

19 ИЮЛЯ—

65 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. В. МАЯКОВСКОГО

Я с теми,
кто вышел
строить
и мечь
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды—
которое будет.

В. Маяковский

Владимир Маяковский.
Скульптор А. Рибальский.

ПРАЗДНИК ЦВЕТУЩЕЙ ЮНОСТИ

фото В. Гребнева, Г. Дубинского и
М. Муразова.

День советской молодежи! Не только в календаре — прочно в жизни утвердился отныне этот замечательный праздник цветущей юности. Установленный в знаменитый год сорокалетней Ленинской юбилея, первый День советской молодежи повсюду начало новой славы и традиций.

С утра яркими красками всех оттенков расцвели улицы, площади, скверы, стадионы городов и поселков. Праздничной звонкой песней в парадные дни 29 июня повсюду колокольщики наступают в ногу молодчина в парадной форме и горнистивые анжугу молодчина в парадной форме. Марши и встречи — все было в этот праздничный день.

1958 года. Марши и встречи — все было в этот праздничный день. Марши и встречи — все было в этот праздничный день. Марши и встречи — все было в этот праздничный день.

Победы в труде, в учении, в спорте встречали свой праздничный юбилей в этот День их лиц. Звонит праздничная музыка и девушки Советской страны. Звонит праздничная музыка и девушки Советской страны. Звонит праздничная музыка и девушки Советской страны.

Быть, потому так светлы в этот День их лиц. Звонит праздничная музыка и девушки Советской страны.

Праздник отмечала его советская молодежь во всех уголках необъятной Родины, но всюду с одинаковым участием — чувством благодарности родному краю, мушкетерской партии, правительству — в нашей великой мушкетерской партии, правительству — в нашей великой мушкетерской партии, правительству — в нашей великой мушкетерской партии.

«Счастливее — жить интересной Родине, молодежи коммунизма», — так со всем народом. Нашу молодежь коммунизма, — так со всем народом. Нашу молодежь коммунизма, — так со всем народом. Нашу молодежь коммунизма, — так со всем народом.

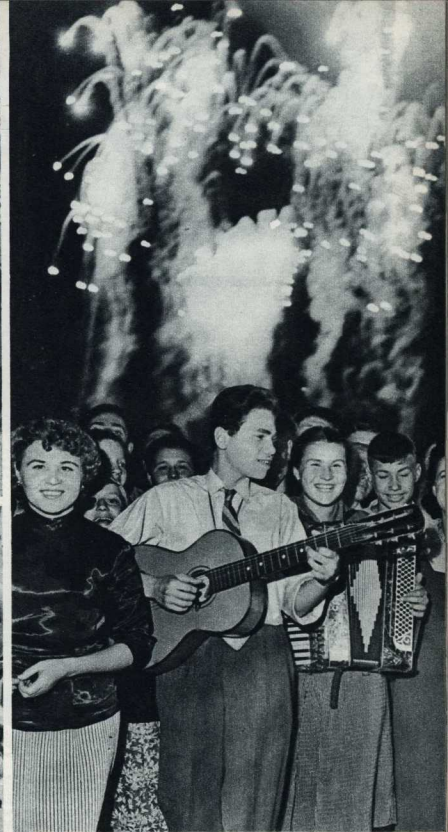
принимает трудиться во имя победы коммунизма. И в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма. И в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма.

сказали в этот день молодежи Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма. И в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма.

и в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма. И в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма.

и в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма. И в с м и к з праздникове Дня молодежи в Моску не устанут трудиться во имя победы коммунизма.

СЧЕН

Мамковский я. Яте. Он сидит в просторном номере гостиницы «Россия» и пишет письмо.

«Дорогая моя, милая и родная мамочка!

Видите, какой у вас хороший сын, всем вообще не пишешь, не некоторым пишешь, но на маленьких листочках, а вам на большом и во весь разворот.

Меня очень беспокоит, что вы летом без дачи и без отдыха. В Одессе я заходил к Мише Киселеву. Он просит вам передать, что рад был бы видеть вас. Олю и Люду в Одессе. Как вы спотрите из этого дело? Не поехать ли вам недели на две?

Я живу обыкновенно. Немного работаю, читаю лекции, пишу, а в промежуток старюсь здороветь, загорать и ползать на радость моей милой и любимой мамочке. Надеюсь недели через две, через три быть в Москве, а в два дня меня дело, должно быть, никауда не дотянется.

Дорогая мамочка, черните мне: Ялта, гостиница «Россия».

Целую очень Людожу и Олену и поздравляю Сченку со всеми праздниками, которые происходят на иминный и рожденный Июль месяц.

Целую вас крепко, дорогая мамочка. Любящий вас Володя.

Он заканчивает письмо в конверт и подкладывает ему. Дверь жаркий, душный. Покрытая пылью магнолия испускает нежный, чуть сладкий запах.

Под окном раздается гулок автомобиля. Мамковский высовывается из окна и машет рукой, потом кладет письмо в карман и выходит из номера гостиницы. Он идет в пионерский лагерь «Артек».

Машина мчится по шоссе в сторону Мадьявской горы. Уже известны Никитский сад, прохлады Гурзуф. Вот и Артек. Душный крымский день переходит в свежий вечер.

Мамковский встречает восторженно. Он тоже, видимо, взволнован. Вместе с детьми обходит лагерь, заглядывая в спальни, пробует ужины, читает стенографу, заходит в клуб. Осматривает все обстоятельно, по-хозяйски. Потом они идут на пионерский костер.

Мамковский читает свои новые стихи.

Он еще совсем теплым и свеженьким,—говорит он,—Я их только что написал: «Эта किножка моя про моря и про мамку...»

Стихи внимательных глаз следят за поэтом.

«...Почти किношечка моя!»

Дети.

...будете, как мамки! Всем,

...кто ночью пьлет не могут, освещая огнем дорогу».

Гремит аплодисменты. Мамковский читает известную и любимую детям сказку «О Пете, толстом

Это было в 1923 году. Я учился в школе со странным названием «Опытная школа эстетического воспитания». Называлась она так потому, что надеялись, обнаруживательными предметами мы изучали музыку, драматическое искусство, живопись... Но старшими преподавателями, вроде грамматики и арифметики, мы занимались мало и неохотно. Я обдумывал у себя в комнате и формулы, когда школа имела подготовленного спевтала «Мистерия-буфф» Мамковского...

В маленьком дуэтанском особняке, где помещалась наша школа, была спевтала Большая, метров в 25, комната, служившая прежде театральным залом. В нем и состоялся примера нашего спевтала. В тот день я первый раз увидел Мамковского, Огромный, с широко остройной головой, в просторном темном-сером ностюме, он вошел в наш «театральный зал» — и зал сразу превратился в небожнюю комнату. Мамковский сел в импровизированную лужу, и спевтала начался.

Мамки были с увлечением, весело и, как мне тогда казалось, пренерсо. Мамковский смотрел спевтала с любовью-то и интересом; его, видимо, занимало то, как мальчики и девочки играли сложнейшую пьесу; за которую с трудом и опасением брались настоящие, профессиональные актеры.

Я много раз потом видел и слышал Мамковского, но мне он запомнился во всю именно таким, каков он был в памятный вечер зимы 1923 года.

Шли годы... Мне много приходилось развлекать по Советскому Союзу с чтением стихов Мамковского. Я читал их в Кутанис, городе, где пот провел свое детство, в Ярославле, в Крыму, Ростове, Краснодаре и других городах, в которых бывал Владимир Владимирович.

И каждый раз после выступления я получал записки с просьбой рассказать камам бы Мамковский, рассказать о том, что своими стихами, долгием любви и нежности, вел их в «новомунистическое движение».

Мне не хотелось говорить о великом поэте советской эпохи, пересказывая общественные фанты его биографии. Хотелось рассказать так, чтобы слушатели почувствовали его большую душу и полюбили бы Мамковского — человека, который любил Мамковского-человека. И я попытался это сделать в рассказах.

Но вот горист протрубил отбой. Опущен флаг, и лагерь погружается в сон, а Мамковский идет обратно в Ялту.

Снова машина мчится по извилистому шоссе, снова мелькает мимо Никитский сад, виноградники. Вот уже показались и огни Ялты. Они переливаются, как утренняя неба звезды. Наосновка машина выезжает гурзуф. Мамковский просит высадить его около почты. Попорчавшись со своими спутниками, он останавливается около почтового ушка на опушке соснового леса. Ей входит в зал, берет телеграфный бланк и пишет. Кассир проверяет телеграмму и, дожда до подписи, поднимает на Мамковского удивленные глаза.

— Здесь подписано — Счен. Это верно?

— Совершенно верно,— отвечает Владимир Владимирович.— Счен — это значит по-нашему щенок. Понятно?

— Понятно,— отвечает, улыбаясь, кассир.

Владимир Владимирович распахивается и выходит на улицу. Он задирает голову и долго смотрит на южноре гурзуф. Мамковский заезжает, потом медленно идет в гостиницу.

А по провадом в Москву летит телеграмма с неопознанной подписью Счен. Телеграмма обрабатывается ничтожными служившими пометками: «Да — Счен», «Верно — Счен», «Странно — Счен»...

ДЕНЬ В КРАСНОДАРЕ

В тот день Мамковский встал рано. У него было очень плохое настроение. Он только что приехал из Ростова, где ему упорно твердили: «Ваши стихи совсем не продаются». Стихи действительно являлись мертвым грузом на складах — читатель, придшедший в магазин, их просто не видел. При-

шлося узаконивать директора магазина открыть продажу книг на лекциях, с которыми Мамковский выступал в Ростове. И что же? В кио-ини-буфф два дня его книги, лежащие на складе, распродались. Значит дело не в том, что стихи не любят, а в том, что их много продуют.

И вот теперь в Краснодаре опать та же история. Все нужно начинать сначала.

Выймавшись в своем научномом тау-авне, который он всегда воздег с собой, и вскоре выпил чашку, Мамковский вышел на улицу.

Осептительное солнце сияло, отражаясь и множась в лужах. Краснодар весь казался вымытым и чистым. Владимир Владимирович остановился на углу улицы, сиял чепу и глубоко вдыхал мягкий, пахнувший весной воздух.

Улица, на которой он остановился, была по-праздничному оживлена. На крыльце углового дома, закумарос, сидел большой рыжий кот и, подставив спину лучам солнца, облизывал лапу. Моложество всяких собак и собачек сновало взад и вперед, оглашая воздух выдохом.

По мостовой степенно и смешно тянула свое длинное, черное, как гуталин, тело такса. Вонруг месь с зализантими лапы кружилась белая, пушистая, словно одуванчик, собака, шлепая лапками, и смело строивала обход лужи, высоко и брезгливо поднимая лапы, доберман.

Казалось, что все кошки и собаки, какие только есть в городе, выжили между и глубоко вдыхали теплый день.

Мамковский внимательно, с интересом рассматривал и рыжого ката и пробегавших мимо собак. Журвор, деловое выражение на его лице сменяется улыбкой. Он еще раз глубоко вдыхает воздух, расправляет широкие плечи и, кружно шагая, направляется в сторону южноре магазина, в котором лежал мелководный киошкестик. Но ему уже не хочется сегодня соротиться и ругаться: день такой хороший!

Переходя улицу, он останавливается перед большой лужой, возле которой на коротком суконце сидит мальчуган и всю весь сил дует на плавающий в луже эскандру бумажных корябликов. Около мальчика сидит белая в желтых пятнах лужа мелководный киошкестик и добродушный анд.

Мамковский приседает рядом с ними и начинает тоже дуть. Он дует во всю мочь своих легких. В луже-море поднимается шторм. Кораблики, вздымаясь на гребнях волн, уплывают к другому берегу.

Мальчик и дворняжка повораиваются перед большой лужой, смотрят друг на друга и смеются.

— Ну, давайте теперь знакомиться,—говорит Мамковский и протягивает свою широкую ладонь сначала мальчику, а потом собаке.— Меня зовут Владимир Владимирович, а вас как?

— Боря, — отвечает мальчишка, все еще с удивлением рассматривая Маяковского. — А ее зовут Ромашка, потому что она белая с желтыми пятнами.

— Понятно, — говорит Маяковский. — Вы, видите, большие друзья!

— Друзья.

— А не знаешь ли ты, Боря, почему здесь так много собак?

— Не знаю.

— Должно быть, раньше такие города называли собачьей глушью, потому что в них, кроме собак, ничего интересного и не было, но теперь ведь это не глушь? Как ты думаешь?

— Конечно, не глушь. Вот за парком у нас глушь. Меня туда мама не пускает. А здесь не глушь. Здесь улица. Город.

— Тогда, должно быть, это собачьи города? А?

Боря не знает, что ответить на эту шутку. Он улыбается. Маяковский вынимает из бокового кармана записную книжку, но спеша достает вечное перо и что-то записывает.

— Ну, до свидания, Боря. Прощай, Ромашка.

И Маяковский по очереди подает им руку, встает, прячет в карман записную книжку, ручку и идет дальше. Вокруг него по-прежнему бегают и развезаются разные собаки, но он их не замечает. Он идет, размахивая руками, широко улыбаясь и бормоча уже рождающиеся строки озорных, веселых стихов про лужу, про солнце, про собак...
Эта собачья лужа...
а собачина столица...

«БЫЛ, ЖДАЛ, УШЕЛ...»

В редакции «Комсомольской правды» секрет обычное явление. По коридору: лавочке и идет курьеры, секретарями и репортерами, заложив руки за спину и зажав в углу рта потухшую папиросу, ходит Маяковский. Он только что продиктовал машинистке новую стихотворение и теперь, очевидно, чего-то ожидает.

В редакционной суматохе и спешке Маяковский производит странное впечатление: его движенье замедленно и спокойны. Шагая взад и вперед, он каждый раз на секунду задерживается около окна в конце коридора, затем поворачивается назад и идет обратно. На подоконнике сидит худенький белокурый юноша. Каждый раз, когда Маяковский подходит к окну, парнишка делает движение, как бы желая о чем-то спросить, но сосредоточенный Маяковский не замечает его и все шагает и шагает... Но вот взгляды их встретились. Парнишка опускает глаза, щени его поворачивается бездумно, рывком. Он сползает с подоконника, от волнения прижимает к груди руку, скатаную в кулак. Маяковский останавливается. Так и стоят они друг против друга.

— Вы хотите меня о чем-то спросить? — очень мягко и просто говорит Маяковский. — Или я ошибся? Не ошибся! Ну, так я чем же делаю? Да говорите, не стесняйтесь. Хотите стихи? Понятно, значит, пишете же поэтом... А вы знаете, что такое поэзия? Может быть, вы думаете, это тот, что пишет в рифму о цветочках, козочках, букмашках? Это не поэзия, а рифмоплетство. Поэзия — чертовски трудная штука. Ну, да это все словеса...

В. Маяковский на встрече с украинскими писателями. Москва. 1929 г.

фото М. Озерского.

Маяковский критически оглядывает юношу с головы до ног. Он видит его не по сезону легкой парусиновой костью с чрезмерно короткими рукавами, сандалии в заплетках...

— Ну, а теперь о прозе. Деньги у вас кисо-нбуди! имеются! Жизнь есть не что, или в стихах весь ваш капитал? Ну, так я и думал. Это мне знакомо. Сейчас у меня с собой ничего нет, но приходице сюда завтра к трем часам и стихи притащите. Посмотрим, обсудим, разберемся. Обязательны!

На следующий день ровно в три часа Маяковский пришел в редакцию. Он остановился около окна, на котором вчера сидел Белокурый парнишка, и терпеливо ждал. Юноша не пришел. Маяковский дышал непрерывно, прикуривая папиросу одну от другой. Когда минутная стрелка на часах обошла полкруга, он бросил недокуренную папиросу в урну и подошел к секретарше, сидевшей возле кабинета редактора.

— Если мне будет спрашивать

молодой человек, скажите ему: Маяковский был, ждал, ушел.

Секретарша слышала вчерашний разговор. Она видела, с какой искренней готовностью Маяковский хотел помочь, обобрить молодого поэта и как оторчился и расстроился, наприсно продавшим полчас. Когда через несколько дней парнишка появился в редакции, секретарша набросилась на него:

— Как только тебе не стыдно! Тебя-то какой ждал, а ты не мог прийти аккуратно!

На глазах парнишки появились слезы, и, опустив голову, он еле слышно сказал:

— Но не мог же я у него взять деньги! — И, резко повернувшись, почти бегом направился к выходу.

МЕЛТА И РОЗЫ

В коридорах «Комсомольской правды» тесно и шумно. Изредка в бесформенном хаосе звуков возникает отдельные слова, фразы и снова растворяются в общем гулании.

Молодой поэт, принесший несколько дней назад в редакцию свои стихи, пришел за ответом. Он пробивается к кабинету редактора. В дверях лицом к лицу сталкивается с Владимиром Маяковским.

— Идемте, — говорит Маяковский, направляясь к выходу.

Молодой поэт движется за Маяковским, как мальчье ступающе за мощным ледоколом. Выйдя на лестничную площадку, Маяковский поднимает руку с зажатой в ней рукописью и говорит:

— Вот ваши стихи. Взял их сейчас у редактора. Такие стихи печатать нельзя, особенно в газете. Теперь лучше писать так, как писали раньше. Нужно писать лучше, гораздо лучше. Посудите сами, на каждом шагу видите новое: вот построен новый дом, в него переедет рабочая семья и будет жить по-новому — с душем, с ванной. Открыт новый элемент, сконструирован новый самолет... Вся наша жизнь идет по-новому, а поэты у нас все еще пишут вяло, небрежно, полчас и просто лужу. Партия, страна, миллионы кричат:

А. РУБИНОВ

ФЕДОР БАСОВ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

Рассказ

Рисунки Б. Игнатьева.

Кровельщик Костя Челноков и не подозревал, что вот уже несколько дней три пары глаз внимательно наблюдают за ним. Он был по-прежнему сух и молчалив, односторонне отвечал на вопросы. С работы возвращался один, хотя мог бы идти с попутчиками. Вечерами садился на кровать в тумбочки и читал. Он мог просидеть пять часов подряд, ни разу не поднимая головы. Казалось, ему не мешали ни разговоры соседней по общежитию, ни силоватый патефон, надсадно голосивший на тумбочке. Иногда по вечерам Костя куда-то уходил — чаще всего в забрызганным краской комбинезоне.

Таким замкнутым Костя был с первого дня появления в общежитии, но прежде не придавал этому особого значения: ну, что же, бывают неразговорчивые люди, пусть себе молчат! Много читает — иначе чужаки замечаются в вечернем институте. Ходит подрабатывать — и в этом ничего плохого не видит: значит, парню деньги нужны.

Теперь же все вызвало подозрения. Началось с того, что из треста приехала комиссия. В полном составе она поднималась на крышу недостроенного дома, где работал Костя. Люди в пиджаках, шляпах и галстуках осторожно ступали по железной кровле, точно переходили по бревнышкам через сарай. Они остановились у вершины ската и долго наблюдали, как Челноков возил маленькую тележку вверх и вниз вдоль швов, соединяющих листы железа.

На следующий день в конторе вывесили опечатанный на прозрачной бумаге приказ управляющего. В нем сообщалось, что кровельщик Челноков сконструировал требиговский станок. Этот станок был назван почему-то станком Федора Басова. Механической мастерской поручалось изготовить партию таких станков, а Челнокову назначалась премия — 1 200 рублей.

— С тебя причитается! — сказал Косте Игорь

Горелов, молодой кровельщик, работавший в другой бригаде. — Только почему станок Федора Басова? Кто такой Басов?

Костя ответил не сразу. — Был такой человек... — проговорил он глуховатым, низким голосом и тут же ушел торопливо, с опущенной головой, точно его обидели.

Назавтра, в воскресенье, когда Игорь попросил у Кости взаймы сто рублей, тот, даже не взглянув на товарища, с хрипотцой в голосе ответил:

— Нет у меня.

— Ты же только вчера прямо получил! — обиделся Игорь. — Все знаешь!

— Нет у меня, — не меняя тона, повторил Костя и, хотя был выходной день, влез в свой пятнистый комбинезон и ушел.

— Жадный! — в сердцах заявил Игорь. — Частное слово, не встречал еще таких! Сотню до завтра покажал.

Тут Костя припомнил все: и его странную молчаливость и то, что по воскресеньям он ходил на «левую» работу. «Кровельщик», а комбинезон в масляной краске — за маляра хитрости! Конечно же, выгоды: много ли найдешь на стороне кровельной работы? Долго строили догадки, почему Костя назвал свой станок чужим именем, и решили, что на душе у него есть какая-то вина. «Был та-

кой человек. Был? А сейчас где?.. Показалась странной, необычайной и жадной Челнокова. Никто не помнит, чтобы Костя купил себе ботинки или новую шапку. Родных нет, куда же деньги девает? И станок, наверное, придумал только для того, чтобы побольше заработать. Вот и прямо получил...

Костя пришел вечером и сразу показался соседям по общежитию совсем не таким, каким его знали. Бывает так иногда: живет с тобой человек, видишь его с утра до вечера — обычный, ничем не приметный, а потом внезапно, точно впервые встретившись с ним, замечаешь и его тяжелый взгляд и худобу, все отталкивающие черты чужа, наоборот, необыкновенно приятельского.

В тот вечер Костыни соседи вдруг увидели, как много в нем неприятного: запавшие глаза, обращенный куда-то внутрь взгляд, привычка без конца ерзать брови... За все время Челноков ни разу не заговорил первым. О чем он думает? Где бывает? С кем проводит время?... Обычно обитатели общежития, улегшись в постели и погасив свет, начинали говорить о девушках, ругали прораба, вспоминали героев фильма. А от него ни слова никогда не услышишь...

С этого вечера три пары обиженных глаз тайком присматривали на складную высокую фигуру Кости, когда он приходил домой и,

ничего не видя вокруг, шел в угол к своей кровати. Даве угол этот стал неприятным. Умывшись, Костя брал книгу и читал, читал сядя неподвижно, сгорбившись, как неживой. Какое-то, жил один толстый палец, членивший базальс.

Наблюдая за Костей, Игорь подумал, что вот и учился в институте. Костя пошел из-за денег. Конечно, чтобы потом большие зарабатывать... Но почему он вдруг перестал читать и сидит над одной страницей мучитесь? Пригласилеся внимательно, Игорь заметил, что Костя не смотрит на книгу. Удивленный его взгляд устремлен куда-то очень далеко... Чтобы привлечь внимание, Игорь нарочно загремел стулом. Костя не взглянула, начал читать снова.

У Игоря никогда в жизни не было секретов. Сначала раз он в секрете рассказал Косте о своих отношениях с любимой девушкой, но не мог удержаться. Немного поколебавшись, рассказывал приятно все, испытывая при этом радость откровения, а потом досадовал и давал себе новое обещание не откровений.

Игорю был непонятен скрытый человек. У такого на душе, наверное, что-то плохое. Молчаливые он даже немного побаивался: от них можно ожидать самого неожиданного.

Игорь получилась у Костя Челюшкова...

Когда то немножко, что казалось совсем, еще больше запуталось, Игорь охотно последовал совету друзей разузнать о непонятном соседе больше, чем было известно. Однажды в отсутствие Кости Игорь погледел книгу, которую тот читал и над которой замышлял записи обо всем на свете. Книга оказалась простым справочником. Между страницами, где приводились нормы раскопки цветного металла, лежала записка. Она сразу привлекла внимание Игоря. Это была квитанция денежного перевода. Почтой из Москвы в Москву — на Суворовский бульвар, 22 — были отправлены деньги на имя Елены Басовой. Игорь отгрозил: станок Федора Басова, перевод. Елена Басова... И еще было что-то, Елена Басова... Игорь осенило: может быть, Елена Басова — мать Костинего ребенка? У этих скитных людей разве что-нибудь разбавило? Вот как Игорь не старался, нечего зорьности: никаких подостей не делал. А Костя, зато скопидом, эта длинноногая чухушка, мог и на алименты экономить...

Игоря решил действовать. Побывав в редакции конторы, где жил Костя раньше, выяснил, что и там, в конторе, не было ничего толком не знал. Жил замкнуто, но работал парно, что-то изобретал, учился, ни с кем не дружил. Мрачный, замкнутый. А ушел из конторы на стройку после ссоры с прорабом: поругались из-за неразделанных заплаты.

Оставалось одно: пойти к самой Басовой. Надо же вывезти на чужую воду этого проходу и помочь женщине!

Ребята, а Басова может пройти? — спросил Игорь у мальчишек, гонимых по двору жестяную банку из-под консервов.

— Женя, к вама! — крикнули ребятишки худощавому мальчику с прилизанным взором.

Женя повел Игоря по крутой лестнице на третий этаж. Игорь привалился к своему провожатому. Тот был худой, но выглядел не истощенным, а скорее холемым, как дети в тех семьях, где добрый достаток и домоседа-бабушка. На нем были яркые светлые ботинки, еще новенькие, с незачищенной белой протрочкой ранта. Право же, в таких семьях не обязательно выходить во двор, чтобы получать консервную банку... На вид Женя было лет десять — одиннадцать, а сыновья Косте он явно не годился.

Елену Басову, располневшую женщину лет тридцати пяти, Игорь застал на кухне, у газовой плиты. Она встретила его ласково, с неопределенно-приятной улыбкой. Игорь сразу забыл пригласенные заранее фразы. Он спросил напрямую:

— Вы знаете Константина Челюшкова?

— Игорь ожидал негодования, крика, он был готов к тому, что его выставят тут же за порогу, промозжен он это, но вместо этого женщина, все так же улыбаясь, отрицательно покачала головой. Игорь не знал, что говорить дальше.

Вдруг Басова выронила ложку, поблелела и спросила совсем тихо:

— Котья... Он уже не улыбался, смотрела с испугом и болью... Котья Челнок, наверное... Ну, конечно же, Константин...

Из углолка ее глаз почти одновременно выкатились два шарика и скользили наперерогки по щекам. Она не утирала слез. Испуганный Женя, моргая глазами, растерянно смотрел на мать.

Проклятая все на свете, ругая себя за то, что являлся в эту непонятную историю, Игорь подгибала на диване, собрался уйти. Но Басова, видно, заметила его смущение.

— Походите в комнату, — пригласила она. — А вам что-нибудь известно о нем? Ведь уже десять лет с тех пор пролетело, да, через два месяца будет десять... Федя так любил мальчишечки! Сейчас, наверное, Котья не узнает, совсем взрослым стал. Десять лет...

Елена Басова говорила сбивчиво, умоляла, с усилием проглатывая слюну. Игорь не сразу понял ее. Он сопоставил то, что рассказала Елена о Косте, с тем, что знал о нем сам, и ему стало ясно: он обидел человека тяжело, напрасным подозрением.

Рассказав Басовой о Косте все, чего она не знала и что должна была непременно узнать, Игорь помыслил дома — скорее рассказать обо всем ребятам.

...Костя окончив ремесленную училище немногим больше десяти лет назад. Был он тогда экиваторщиком, подчиненным парником. Только начинал осваивать профессию кровельщика, и поначалу не всегда у него получалось дело, но бригадир Федор Басов любил его, как младшего брата. Родителей у Кости не было: погибли во время войны. Котья Челюшкова привлекло внимание у Басова. Жена Федора Басова тогда не работала, ждала ребенка, хозяйничала в доме. Помогая бригадир, Котья весь день пел, а любую погоду. Он знал слова всех песен, но тянул их на один мотив... Волдился за ним и грешил. Озорной был мальчуган. Иной раз так отбегучит, что и на поверяет, если рассказать кому... Все храбрость свою показывал. А вот учиться не хотел. Сколько ни говорили с ним, в вечернюю школу не шел.

В ту пору Федор Басов задала бригадирский станок: ведь для кровельщиков совсем никаких машин не было, только фальцы гусли на рычаге — станком Демина называли, по имени ленинградского кровельщика, который его придумал. Долго Басов трудился, вечерами все читал, книги читал, в сарае что-то мастерил. И здесь ему Котья помогал. Видно, и он понимал, как нужна кровельщикам машина. Война только кончилась, строительство разорывалось авосью. Везде стали появляться машины: у малорос — краскорпытки да листоветы-разбрызгиватели, у стаярос — электрические пилы и дрели. Только кровельщикам зимой и летом, в мороз и жару руками да молотком гусли края железа, содвинув листы. Жена Басова работала на стройке робота, табельщицей. Она помнит, как радовался Федор, когда наконец дога-

дальс, как сделать машину для кровельщиков. Однако не суждено ему было исполнить задуманное.

Однажды поднялся Басов с Котья на крышу недостроенного дома. Что-то не ладилось у них. То ли станина оказалась легкой, то ли болтики были слабы — гретьбы тогда гусли, но оказалось неизбежным. Федор прыгнул с кровли, Басов не успел и крикнуть. Станок, пробовал подшпиник. Котья лежал голым животом к солнцу и что-то пел. Потом он вдруг решил попутать бригадир и, неприязненный, без страховочного пояса, покатился по скату. Басов не успел и крикнуть. Котья, уже, видимо, не владя собой, стремительно приближался к самому желобу. Бросив машину, бригадир большими шагами бежал по скату, а размазу шлепнулся на живот. Басов успел удержать крайнца. Котья судорожно уцепился за скользящий от ольфы край желоба. В этот миг кто-то зарепогал по железному настилу. Это бригадирский станок, увеличивая скорость, надвигался на Федора Басова, распластываясь у сака края крышы. Басов черкнул ногой станок сразу прекратился. На крыше не стало ни машины, ни бригадира.

Когда ни живой, ни мертвый, Котья вылез в спусковом оно на чердак, сбился со всех ног, выскочил на улицу, где обвалился на плитам лестничных маршей пятнадцатого дома, у здания гудела толпа. Спусти некоторые время она раступилась, пропуская машину с крестами на стеклах, а чуть позже улица опять опустела. Котья на краю трапуры завалился погнутой станиной бригадирского машины с голыми стержнями без роликов.

Костю, конечно, не судили. Не за что. Виноват был скорее Басов, но он за это уже расплатился.

В тот же день Котья Челнок исчез. Елена Басова ничего больше не слышала о нем. Только теперь, после разговора с Игорем, поняла, что те денежные переводы, которые она стала получать вскоре после несчастного случая неизвестно от кого, принадлежали Косте. На днях пришло очень много — 1200 рублей.

...В коридоре обшеиктия кто-то зашумел, долго и тщательно вытирая о половник ноги. Елена Басова подошла, умоли. Широко ступая, вылез Костя на крышу, на газопровод, он направился в свою югу, пероделался. Потом с мушкетером и полотенцем в руках снова исчез за дверью. В те несколько минут, что его не было, никто не сказал ни слова. Вернувшись, Елена Басова нашла опустелый этаж.

Игорь смотрел на Костю, не отрывая глаз. Теперь Костя снова казался ему совсем другим, и снова возникло ощущение, что он впервые видит этого человека. Все было неизменно: и привычные аршинные пальцы бровь, и руки, полененные краями железа, и поношенные ботинки. Лишь скрывала тень, но все-таки можно было различить упругие, строгой формы замунтые губы, чуть опущенные в угнетении.

Угнетение хотелось подойти к Косте, обнять его, или начать бороться, или, может быть, извиниться. Но ведь он ничего не говорил Косте о своих подозрениях.

Игорь рано лег, но не спал и не разговаривал. Ему теперь было понятно, почему так худ Костя, почему пошел учиться, почему своему станку дал такое название.

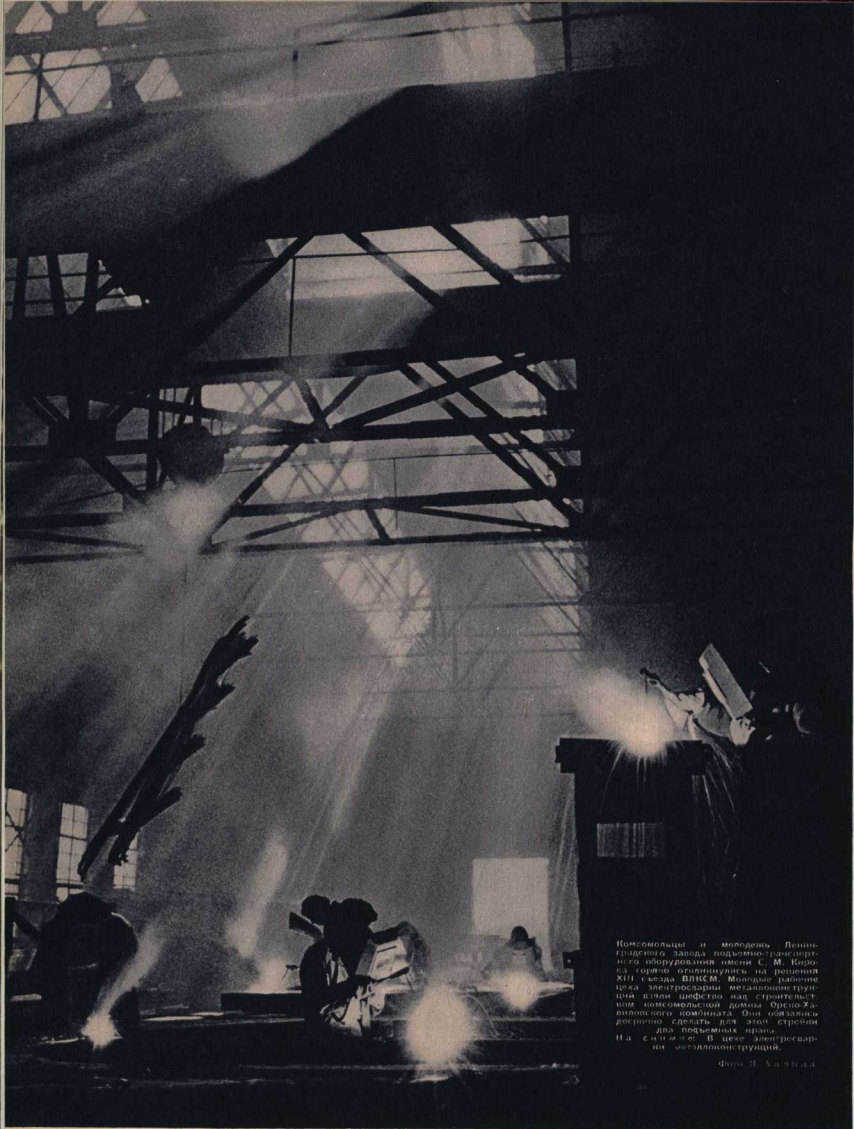
Хотя Игоря очень любили красивые слова, сказать их ахули он на этот раз не решился. Некоторое время он сидел в кресле, думая о том, что Федор Басов, который десять лет незримо жил в Константине Челюшкове, выйдет теперь на оживленную шумную выдестраль. «Федор Басов» придет на стройку, обратит труд подполье. И тогда, если он так живо, будет не только работать. Его раз и поругают за неловотворчество... «Нам не дали «Федора Басова!» — возмущится какой-нибудь горластый кровельщик... — Вы требуете платить за труд аршинные пальцы его?» Это же виделось ясно. Игорь даже раздвинул глаза сердитого рабочего. Потом ему смнилось, будто он снова в квартире Елены Басовой, теперь уже не один, а с Костей. Они привели огромную коробку пирамиды, малярские, цветы, ирбу, корзинки из проволоки. Женя. Он катался на бригадирском станке, как на самокате, отталкиваясь ногой в светлом ноутнике с еще не заполненным рантом.

Тысячи молодых рабочих-москвичей учатся заочно в высших, средних и специальных учебных заведениях столицы. Комсомолец Алексей Чулов пришел в Московский кондовый порт рабочим. Одновременно стал учиться на курсах крановщиков. Сейчас он лучший крановщик порта. Попробуйте книга и учебник — его спутники в труде. Недавно Алексей успешно сдал экзамены и перешел на 3-й курс Московского механического техникума.

Фото Г. Дубинского

Комсомольцы и молельщи Ленинградского завода поделочно-парусного оборудования имени С. М. Кирова горно-оперативники на рудниках XIII участка ВЛКСМ. Молельщи Рабочие цеха электросварки металлоконструкций в цехе шефство над строительством комсомольской доменной Орско-Халиловского комбината. Они объединились в группу для этой страны для рудничных работ.

На слайде в цехе электросварки металлоконструкций.

Фото Д. Халилова

ВЕТЕР В ЛИЦО

Очерк

ПЛЕНУМ НА ЗАВОДЕ

Строительство комсомольской доменной печи на заводе имени Г. И. Петровского только-только начиналось. Урала самосвала, вывоза земли на котловане, свистели паровозы. Экскаваторы вывозили первые сотни кубометров грунта. Еще не было на площадке того, что мы называем горном, моторным колесом, колоннами. Не было и Башенных кранов, обязательных часовой любой стройки...

В заводском комитете комсомола шло какое-то совещание. Технический секретарь, милосядящая и очень приветливая девушка, объясняла:

— Идет пленум горкома комсомола. Рядом молодой человек флотского вида кричал в телефонную трубку:

— Почему нарушаете! Я дал команду: во-семьдесят студентов на домену... К трем часам — восьмьдесят. Не выдумывайте! И не отменяйте! Это не шуточки. Не шуточки, говорю!

Чувствовалось дыхание комсомольской стройки, дыхание переднего края трудового фронта: студентов к трем часам! Команда! Мобилизация! Однако в кабинете секретаря заводского комитета комсомола, куда я потом вошел, все показало гораздо более будничным и спокойным.

— Вам повезло, — сказал мне один из молодых людей, сидевших за столом. — На заводе как раз происходит пленум горкома. Необычное мероприятие, попробуйте его на карбиде.

Этот был действительно удивительный пленум. Когда на стройке домы намечалось отставание в земляных и монтажных работах, а завод-поставщик завышал цены с оборудованием и требовало немедленного вынесения штрафных санкций, на строительную площадку пришли активисты городской комсомольской организации — члены горкома. Ребята прибыли почти по тревоге. Они создали бригады и с полным сознанием ответственности принялись строить, причислив ко все поры этого наименования жизнь организзма.

— Пленум проходит без заседаний и речей, — объяснил мне секретарь горкома Георгий Шестеров. — Ежедневно небольшое оперативное совещание — и по местам. Каждый занимается своим участком. Задача пленума: во-первых, помочь строите, во-вторых, услышать у активистов явус к живой, конкретной организаторской работе...

На заводе действует несколько бригад. Одна из них дежурит у экскаваторов и самосвалов. Надо вынуть и перевезти двести тысяч кубометров грунта, а инья шиферы из «Ур-экскаватор» поставляет «аналогов»: нельзя ли пообработать — подбросить — такте Марусе или Оксане древцы, уголька... Но комсомольцы с красными повязками на рукавах следят зорко. Стационарный листок всегда на строке. Давно уже прописаны за девьяе рейсы...

Другая бригада размещалась в отделе капитального строительства завода. Пожилые дяди из ОКСа, утомленные переправкой с предпритяжных-поставщиков, словно помолодели. Вручили членам бригады перечень заказов, расписали пачки с делами: «Помогайте, товарищи. Нажимайте. По своей, по комсомольской линии».

Юрий Шильев, со значком Московского энергетического института в петлице подкачал, очень живой и, надо сказать, дотошный, быстро разобрался в обширной номенклатуре. Ему поручено руководство бригадой по

организации контрольно-комсомольских постов на заводах, поставляющих оборудование. Его товарищи действуют в смежных цехах, на других заводах. Они пишут письма, воззвания, обращения к комсомольцам Урала и Ленинграда, Ростова и Прибалтики... Посты, посты, посты... Переключки, переписки, телефонный переизнос... Домина должна быть готова в срок!

Бригады, созданные активистами, занялись наглядной агитацией, организацией соревнования, бытом молодежи, ее отдыхом.

Мне довелось побывать на итоговом заседании пленума. Проводил оно в красном уголке, где собралось свыше ста активистов. На трибуну один за другим выходили участники пленума. Четыре девушки с курсов стенографии и машинистки стенографировали в порядке практических занятий речи ораторов.

После пленума, когда приняли резолюцию, все активисты вооружились лопатами и кирками и пошли на стройку. Один копал землю, другие выгужали из вагонной цемента, кирпич и лес, третьи перетаскивали арматуру.

Песня оглашала стройку. На земляной стене, на бетонных стенах появились надписи: «Трудился пленум горкома. И чья-то притиска: «Хорошо трудился. И еще одна: «Если не так, так Петров».

Так закончился этот необычный пленум.

— Попробуйте описать его! — смеются ребята из горкома. — Попробуйте!

Они любозно предоставили в мое распоряжение стенографому. Однако я не воспользовался ею, а приведу несколько страничек из бюллетеня невольного участника пленума, длившегося восемь дней.

РИММА ПРИХОДИТ В ОБЩЕИТИЕ

Римма размыкала воспитателя общежития.

Дежурная, пошлая женщина, уборщица или кладовщица, загадочно ответила ей:

— Воспитателя нет. Где? Не докладывает нам... Потом, поджав губы, спросила: — А вы кто, между прочим, будете? Лекторы или кто еще из горкома комсомола. Мне ответитель нужен.

— Нужен, так ждите! — хмуро ответила женщина. — К нам ходят часто. Когда из горкома, когда из ЖКО — начальство. Супруна знаете? Не знаете Супруна? Управляющий, который над всеми начальник.

Римма покачала головой: она не знала, кто такой Супрун, и очень жалела об этом. Ей хотелось как можно скорее все постигнуть, чтобы лучше воплотить возложенную на нее задачу.

— Что управляющий? К нам недавно писали приезжали. Один такой маленький, щупленький, в очках, дурью задумный, в шляпе... Рассказывали стишки смешные. Работам очень понравилось. А когда ушли, хлопцы стали промек собой спорить: сколько, интересно, за лекцию получили писатели? Так, говорят, по сто пятьдесят рублей на брата. Вот это я понимаю!

В это время как раз и появился воспитатель. Это был стройный, подтянутый молодой человек в сапогах, галифе и гимнастерке. Увидев Римму, он подошел к ней, окинул пристальным, изучающим взглядом.

— Откуда будете? — И представился: — Воронин, воспитатель.

— Я из горкома комсомола, — ответила Римма, краснея. — То есть не из горкома, а по

поручению. Я член городского комитета. Сейчас проходит пленум на строительстве домы... Понятно, понятная — паребя Римму воспитатель. — Руководящий, в общем, товарищ. Прощу, проходите.

Римма вспыхнула.

— Вы меня не поняли! — сказала она сухо. — Я член бригады... Бригады горкома по быту молодых домностроителей.

— Ага! — Воспитатель поднял глаза к потолку, словно собирал что-то. — Ну, что ж. Прощу, будьте готовы. Поглядите, как живут наши мальчуганы. Есть очень хорошие, отличные ребята. Проходите в красный уголок. Прощу вас... Петровна, дайте-ка ключ. Сюда на лестничную. Вот так... Скажу, но все у нас благополучно. Есть неполадки, есть, скрывать не стану. Сам увидите. Коммуна не образцовое, но мирное. Нужна помощь. Комсомольский задор многого может...

— А вы были когда-нибудь комсомольцем? — вдруг спросила Римма.

— А как же!

— Давно!

— Да уж так... не очень чтобы давно, но и не так уж, чтобы близко.

— Сколько вам лет, короче?

— Тридцать пять. А вам, если разрешите! — спросил Воронин. — Да вы садитесь.

Римма свернула газетку.

— Давайте лучше пройдем по общежитию! В кухне жарко пылала плита. Запах сожженного сала наполнил помещение, стивился по коридору. Полугорлы ребята напихивали фантастические сонечораги. На плите что-то шипело, гулярилось, дымилось. Хлопали двери кухни. Кто-то смеялся, кто-то поругивался. Словом, общежитие, как большой корабль, медленно запылавало в газавы, которую можно было бы назвать «вечерний отдых».

— До отдыха нам еще далековато, девушки, — сказал старый загорелый парень в майке.

— Спросив оучумен на кухне от угара, а потом в ресторан пировать пойдем — иначе говорю по комитатом. А уж только опосля будем дышать свежим воздухом.

— Ого, ребята, Гришка не надцасялся целый день под дождиком! — заметил кто-то.

— Во вторую смену его. Подусудитесь!

— Вы отсюда к нам!

— Я из горкома, — ответила Римма.

— Вот будет развальный разговор. Недавно начальство из треста приезжало, общабли порядком навести. Уехали... и до сих пор ни слышу ни дугу.

Привыкший парень выскочил из кухни, затепливо треснул кастрюлю с картошкой у самого носа Риммы.

— Прощу извинить, технавога! — сказал он и исчез в глубине коридора.

— Что же это вы, сами себе ужин готовите? — спросила Римма.

— Нет, это мы так... в порядке тренировки. Основание питание доставляют из ресторана «Искусство с коньяком и котлетками».

В стеновой продлиженной кухне раздался дружный хохот. Засмеялся и Римма.

— Я серьезно, товарищи, — сказала она. — Нужнго у вас буфета нет? Или столовая?

— Послайте кому-нибудь в магазин... — Да что, по-вашему, если бы столовая, мы толкались бы тут?

— А вот в нашем общежитии все имеется, — сказала Римма.

— В каком это?

— У машиностроителей. Я сама техником работаю на заводе, жнуу, правда, отдельно,

но в общезини бываю. У нас там и толкая, и парижская, и Душера, и прачная. Все очень красиво.

Тогда сравнили: машиностроителей и просто строителей! То люди, а мы так, недоразумение.

Римма вспыхнула:

— Как вам не стыдно!

— Ребята, брось бузить! — раздался голос воспитателя. — Товарищ пришел по серьезному делу, а вы команди разглагольствуете! Может, вы бы и встали передо мной, а все остальные — хорошие производственные строители комсомольской долины. — И, обратившись к Римме, добавил: — Вы не слушаете его... — А бубу слушает! — адруг выпалила Римма.

Римма Щеголева впервые была в роли наблюдателя и представителя городского комитета. Обычно ее комсомольские дела ее выходяли за рамки инструментального цеха и комитета комсомоло своего завода. В члены горкома ее избирали не очень давно, и она еще не знала, как себя вести.

— В комнату, куда она вошла по приглашению ребят, было неуютно.

— Вы извините, — сказал рослый парень в майке. — Тут еще следы бег-строганова. — Быстрым размахом движавшихся он отстранил стол от грязных тарелок. Сидите. Чувствуйте себя, как дома. Продолжим разговор.

Римма оглядела комнату: семь кроватей, взрыхленные и взлохмаченные, тумбочки, бутербуты, шкафы. Она слышала, что общезини машиностроителей, и ей стало жалко этих молодых ребят.

— Обрато комиссия? — спросил заспанный парень лет двадцати пяти, приподнявшись на постели. — Сколько можно! — Он протер глаза и уставился на Римму.

— Товарищ из горкома, — представил кто-то девушку. — Не комиссия, а из горкома человек. Поднимись!

— Девчачья из района приходила девочка, тоже интересовалась, — нехотя сказал тот, вставая. — Все общезини, а как уютно! — сразу забываю. Мы ее и в душевую водили и в раздевалку. На четырехэта человек в душевой два крана. Поди помойся! Сушители работают погано. Вечером горячей воды не допустят. «Титаны» и то отремонтуют не могут!

Римму окружили ребята. Рослый парень, который пригласил ее в комнату, надел санвию сорочку и выглядел совсем неплохо. Он был здесь на правах хозяина и всесичи подчеркивал свое внимание к девушке.

Ребята говорили наперебой, а Римма жадно впитывала их слова и думала: «Нет уют, товарищи, на этот раз мы встретились не зря. Горкома этого так не оставят».

Она ушла поздно вечером.

Воспитатель ретировался значительно раньше. О нем ребята говорили нехотя и без интереса:

— Ничего не делает, только планирует. Кушать не ест! Возможно, он и существует на бумаге, а на деле нет, не работает. Одно развлечение — телевизор.

К трамваю Римму провожал тот же рослый парень, которого называли Гришей. Размеренный заспанный голосом он как бы продолжал неоконченный разговор в общезини.

— Почему, скажите, не закрепляются на стройке ребята! Поработает парень год — другой и уходит. Уходит, присмотрев другую специальность. Вот у нас в комнате возмните. Двои, которые сидят на кроватях, сидели: один рывкавший, другой пижонский тангой, а розовой рубашке. Оба учатся на технику по телевизору и радиоприемникам. Работают бетонщиками, а по вечерам ходят на курсы. Скажу что ни на есть сезонники. Профессия плотника, к примеру, почему-то для молодых сезонной считается. Говорят, это специальная для стариков. Бетонщик тоже как бы наполовину чернорабочий. А у вас на заводе, наверно, по-другому! Там ажиот тонар так токар, так слесарь так слесарь...

— А у вас-то у самого какая специальность? — спросила Римма.

— Я плотник. Простой плотник. Вот и ваш трамвай. Прощайте!

Нет, до свидания. Мы еще встретимся. Обязательно!

«ОТКУДА РАВНОДУШИЕ»

Римма Щеголева говорила горко, негодующе. Миллионов лиро ее пошло красными пятнами. Когда она закончила, секретарь горкома не дожидаясь суждений других членов бригады, встал и резко сказал:

— Все он там, как я посмотрю, сезонники! По духе сезонники. И это твой... как его... плотник. Подумайте, товарищ, чептерста человек населяют общезини, из них комсомольцев — больше половины! А член горкома должен прибыть к этим хлопцам, чтобы организовать буфет, отремонтировать «титаны», подогреть воду в душевой и, чего доброго, еще спички натереть каждому... Нет, дорогога, пленуму горкома состав не для этого! Мы, конечно, поможем. Но поможем прежде всего ликвидировать застой среди молодых строителей — жильцов общезини, — активизируем их. Поможем им понять, какая это огромная сила — инициатива комсомольцев... Поможем преодолеть равнодушие. Ведь только равнодушием можно объяснить то, что делается в общезини...

Ребята еще долго обсуждали положенные в общезини, о котором должила Римма. И чувствовалось: в чептерст они обменяли и во. В чем, девушка толком не знала и только поспе, успокоившись, поняла: не хватило у нее сил и смелости, когда при первом же знакомстве со строителями, когда поведомьем хланую жалобу и недоулисто твердо спросили: «А где же ваша собственная инициатива, товарищ! Почему надеетесь, что к вам придут добрые люди и все сделают? Откуда равнодушие? Не оттого ли, что каждый из вас считает комнату в общезини временным местом для ночлега — на месяц, другой?»

Позднее я слышал выступление Риммы Щеголевой на заключительном заседании пленума горкома. Оно мне показалось знаменательным. Девушка рассказала не только о делах в общезини, но и о том, что произошло за эти дни в ее собственной душе, душе комсомольского активиста, чему научил ее этот необычный пленум. Она говорила о том, как

перенернала культурно-бытовой совет общезини, как за короткий срок удалось устранить многие недостатки. Среди молодых домостроителей нашлись инициативные ребята, которых, оказывается, только надо было строить, расхвалить.

— Вот так, — так комсомольский активист — говорила Римма. — Это организатор молодежи, вожак. Пленум помог каждому из нас найти свое место. Я не ошибусь, если скажу, что многие выросли за эти дни, научились жить. Задать иницие в общезини — не умеете. А ведь, как всегда, было что. Буфет открыт, воду горкома в душ подвоят на протяжении суток, сушители отремонтированы, «титаны» тоже. Создали кружки: драматический, хоровой, струнный, танцевальный, шахматный. Провели культурологические конкурсы, фильм «Коммунизм». Потом обсудили картину, и, честно говоря, вам, красавцы ребята, когда премьерно лестики вернее фильма к собственной жизни. Стыдно стало. Ведь как трусливо преодолевали наши отцы в первые годы революции, о им, выходя из за двух несправивших «титанов» расхвалились и руки опустили... Правда, пришлось нам крови пощипать себе и некоторым хозяйственникам. — Конечно из них прыжок к неподобным классам, товарищ! рвала и не парывать связи с этим общезини. Без всякого поручения горкома буду навещать туда, помогать, как смогу...

Зал горчо аплодировал.

Подошла на улицу, и здесь к Римме подошел высокий смуглый парень. Я понял, что это был плотник Гриша из общезини.

ГРИГОРИЙ СТАНОВИТСЯ АКТИВИСТОМ

Григорий Козьяк я увидел на стройке, когда он отгирал аплаубу от железобетонной стены. Он делал это, как работал до этого времени, никого не замечая и не парываясь от стены, ложился подле, причем ни одна из них не была расколота на щепы: плотник работал аккуратно.

— Когда я представлял ему, он отпустил топор и свернул думку в сторону зубов.

— Я вас знаю, — сказал он. — Мне говорили. Черкз будете писать?

Он Точно. Материал собираю.

— Тоже материал, — сказал он. — Правда, у нас его не очень чептер. Пройдитесь по площадке, увидите: столько щепы, что страшно. Не любит, не умеют экономить. Вот бы вам, я думаю, внимание обратить. Экономия материала — это же характер, воспитание! Правильно или нет?

Я согласился с плотником. Он был красив, этот заспанный гигант. Внутренняя сила и твердость сквозили в каждом его движении, силе и взгляде.

Вечером он охотно рассказал мне о своей жизни. Родился Григорий Козак в Житомирской области, в деревне. Оттуда пошел в армию и, отслужив положенный срок, вернулся в родную деревню. Хотел учиться коршуну в колхозе, но председатель на традиционные слички уже начал накладывать в артели дела.

— Будешь бригадиром строителя. Хату срубил, поможем. Не жевать! В этом тоже поможем, есть у нас мастера. Ну, рашай...

Решил было твердо. Но тут прочитал в газете: строится все комсомольских домных лечей — в Кривом Роге и Челябинске, в Енаевне и Жданове, на Орско-Халиловском комбинате, в Днепропетровске. И все они зовут комсомольцев: приезжайте! Нужны плотники, бетонщики, арматурщики, монтажники... Екнуло сердце: а что, если туда податься? — Посмотрел на карту, пошарил по ней пальцем. Остановился на кружочке, что и название Днепра. Днепропетровск... Говорят, город большой, красивый.

Посоветовался с председателем — тот и слышать не хочет.

— Куда ты поедешь! Там и без тебя раб-ские изваст!

— Я не как рабсила еду, — сказал Григорий председателю. — А как комсомолец. Построить, не прижизну — обратно приеду. Прижизну — не имейте зла на меня.

Евгений КОРШУНОВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Есть в Москве Комсомольская площадь.

Здесь одежда на людях попроче, Рюкзачок много — толстык и тощик...

Мягит солнце ли, дождик пощипет,

Площадь самая деловая площадь.

Днем и ночью, во время любви,

Словно море рокочет прибоем,

Словно волнам плещет о скалы,

Площадь дальних дорог и вокзалов,

Площадь гордых и смелых дерзаний,

Несосчитанных расстояний

И взволнованных расстояний,

Площадь трудных и сложных заданий.

Нет на площади обелисков,

Провода над площадью — низою.

Через площадь сиют трамвай —

Площадь самая деловая площадь.

Здесь на ней не бывает парадов,

Но парадом она и не рада!

Ей другие парады надо —

Твердый шаг комсомольских отрядов!

Их с улыбай встречать площадь —

Их, одетых в костюмы попроче,

Их, которых олять провозжат,

Их, которых уезжают

С грустью первого расставанья

в несчитанные расстояния!

Г. Мосина.

— Ну, что ж, дело хозяйское, — сказал наконец председатель. — Только запомни: в городе тоже не лампушками встречай будут. В первый же день приедет в город Григорий пришлось вспомнить слова председателя. С вокзала он направился прямо на завод. В отделе кадров пожилой дядя вежливо ответил приезжому:

— Насчет домов, дорожка, ничего не знаю. Есть у нас доменный цех, это точно. Только там вакансии нет, все места заняты. Будут строить, говоришь? Не знаю.

Эту ночь Григорий ночевал на вокзале. Однако на жесткость постели правозащиты его, а усталость, оскорбленность. На заводе ничего не знают о комсомольской домне! Может, и нет этого строительства?

Сейчас Гриша с улыбкой повстанет мне о сомненных первых днях. Потому что именно в городе жилала, который не знал бы о славной молодежной стройке. В центре, возле кино «Победа», выразительная фотозапись, на которой запечатлены героические будни строителей. У проходной завода висит плакат: «Здесь строится доменная печь «Днепропетровская-Комсомольская». Комсомолец! Чем ты помог строительству домны? Прочитай он тогда этот плакат — либо помялся бы над рассуждениями товарища не знает, что под носом делается. Но тогда плакат не висел...

На другое утро Григорий решил поехать в городок. Где-где, но там-то должны знать адрес домны.

Было еще рано. В вестибюле будущего строителя встрянул дежурный милиционер. Он изучающе посмотрел на парня и, приложив руку к козырьку, сказал:

— Поезжайте, гражданин, в обком комсомола.

— Поехал в обком, — продолжает Григорий. — Вошел в длинный коридор. Спрашиваю: «Как попасть на комсомольскую домну?» «Идите, — говорят, — в заводской комитет комсомола».

В комитете обратился к секретарю. Но он был чем-то очень занят. По телефону о вагонах каких-то говорил, о заказах, про металлолом вспоминал. А потом уже до меня дошла очередь.

— Что вам, молодой человек?

Я рассказал.

— Знаешь что, приходи завтра. Завтра мы с тобой разберемся. А сейчас занят по горло, дико занят. Извини, товарищ...

Так он со мной ласково обошелся, что аж сердце дрогнуло. Хотел я его спросить, где ночевать мне, неужто опять на вокзале. Но язык не повернулся. Завтра так завтра.

Ночь переспал легко, на душе спокойно стало. Утром снова прыжком в комсомольский комитет.

— Где, — спрашиваю, — секретарь комитета?

— На заседании, — отвечает девушка. — Сегодня не будет.

— Как не будет? — Сердце у меня упало. — Мы ведь успели...

Он вчера сказал, что бы я пришел к нему!

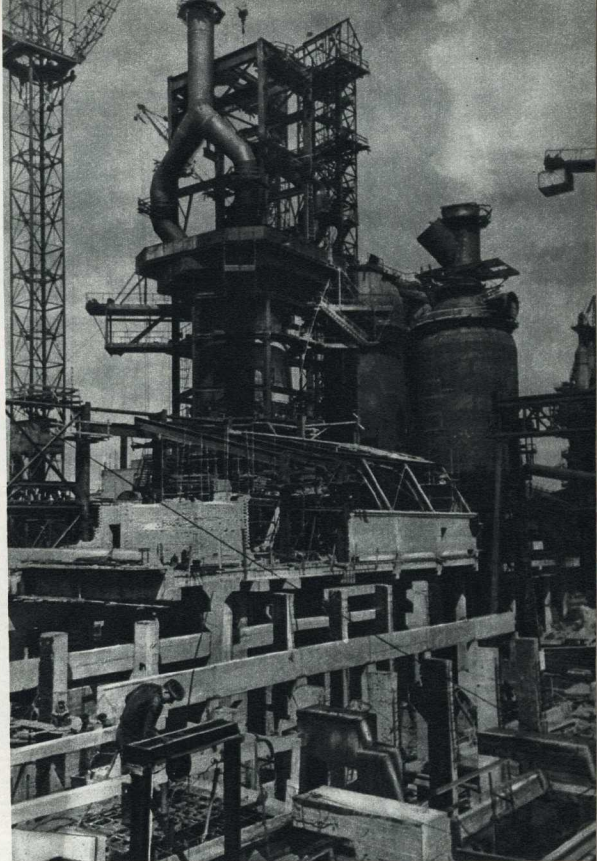
— Завтра, — говорит.

— Опять завтра? — А у самого, чувствую, слеза подступила, и вот-вот заплачу. — Как же это, говорю, получается? На бюрократов легкую кавалерию напускаете, а у самих бюрократов завелась! Я же на работу приехал, денег у меня нет. Должен же в где-то жить эти дни, спать? Разве по-комсомольски вы поступаете!..

Не помню, что еще говорил, только после моих слов ребята стали звать куда-то и быстро, в пять минут, помогли. И пошел я тогда, что, займись вчера секретарь мом делом, был бы я устроен в общежитие и не валялся ночь на вокзале.

Теперь Григорий уже заправский строитель, плотник. Недавно его избрали председателем культурно-бытового совета общежития. Он отныне лавочник, ярд ли строит. К тому же знает кожу три раза в неделю на занятия в учебном бат, буда всегда на пятый разряд. И в школе руковожу столлярным кружком — комсомольское поручение.

Но товарищи убеждали:

На стройке «Днепропетровской-Комсомольской» домны.

— Тебе доверие высокое оказывают, выдвигают, а ты в кусты?

Так Григорий стал активистом, одним из комсомольских командиров молодежной стройки.

...Веселию чувство озарения.

Ты выходишь на скалистый берег Днепра и глядишь на стремительные воды, несущиеся к Черному морю. В далеком тумане — противоположный берег. Дым и дымы — черны, сильы, бурые, рыжие — вздымаются в небо из высоких труб заводов. Ты благославляешь эти трубы, и этот город, и строительную горячку на площадке доменной печи, которая привлекла тебя сюда. Ты слышишь комсомол, взвизывая за эту стройку, и члвбнцвцв, подымавший флаг соревнования, и горком, устроивший свой плану на стройке.

Я поведал читателю только о двух активистах.

Но на молодежной стройке девяносто комсомольцев! Это не только бетонщики и плотники, монтажники, электрики и сантехники... Это еще и лирики и мечтатели.

Вырастает домна, а вместе с ней мукают люди, раскрываются и расширяются сердца. Вот взбурится в поднебесье, настречу ветру, верхолаз-монтажник Алеша Икол. Вот вышла в стужу на полигон сборного железобетона Алла Пивничная, героиня строини. А сколько их, молодых, упорных, выходит каждое утро настречу ветру, преодолевая усталость, холод и зной, закаляя волю, выковывая твердый характер!..

г. Днепропетровск.

ПЕРВАЯ СРЕДИ СИЛЬНЕЙШИХ

Должно быть, в биографии каждого спортсмена есть один — особенно памятный ему сезон. Для Галины Быстровой таким сезоном оказалась осень минувшего года, когда она стала рекордсменкой мира в труднейшем виде легкой атлетики — пятиборье.

Трижды пыталась Галина Быстрова осуществить эту свою заветную мечту. Однако ни в Москве — на III Международных дружеских играх молодежи, а затем на первенстве СССР — ни в чехословацком городе Пльзене — на Международных соревнованиях многоборцев — попытки не принесли желанной победы. Но спортсменка не сдавалась. Все «пятя мастеров», которые жили в ней, жаждали действия. И только упорство, уверенность в себе помогли

Ясным, безветренным выдался второй, решающий день соревнований. «Быть мировой рекордшуй или не быть?» — волновались по-други.

— Смелее, Галины! — напугствовали они девушку. — Слово «вир», проносилась Быстрова над барьерами. Когда позади осталось последнее препятствие и спортсменка коснулась финишной ленточки, диктор объявил:

— Десять и восемь десятых секунды!

Не дожидаясь, пока судьи подсчитают очки, Галина прыгнула напарала на земле стабильный цифр, сложила их и подсчитала. Получилось 3819 очков. Теперь все зависело от последнего вида — прыжка в длину. Чтобы побить рекорд Виноградовой, достаточно было прыгнуть на 5 метров 83 сантиметра.

Галина поправляет прядь упавших на лоб волос и подходит к стаятке. Отсюда начинается разбег. Нервы напряжены до предела. Сжав губы, слегка покачиваясь на носках, спортсменка готовится к решающему прыжку.

Все своим заломил Быстрова в разбег. Толчок — и голос диктора утонул в громе аплодисментов:

— 6 метров 87 сантиметров!

Прежний мировой рекорд в пятиборье — 4 767 очков — не только побит, но и улучшен на 79 очков!

Рекордсменка мира!

Не всякий человек сразу находит свое место в жизни. По-разному могла сложиться и судьба Галины, если бы тропинка юности не привели ее в Горьковский техникум физкультуры. Однажды ей довелось выступить в соревнованиях по легкой атлетике. Рослая, худощавая девушка ничем не отличалась от своих подружек-перокурниц. Пожалуй, только мальчишеская угловатость выделяла ее среди сверстниц. Это главным образом и привлекло внимание преподавателя Василия Моисовича Быстрова.

— Если хочешь, приходи на тренировки, — сказала он Галине. — Только помни: успехи в спорте не падают с неба.

Василию Моисовичу нравились упорство, настойчивость девушки. Ни зимой, ни летом не прекращала занятий и привлекло внимание преподавателя Василия Моисовича Быстрова.

Галина смело бралась за все. Выше всего прыжки получались в высоту, затем увеличился барьерный бегом. Ободранные колени и ссадины нисколько не смущали настойчивую спортсменку.

Но столь же рьяно увлекалась она и толканием ядра и метанием диска, и прыжками в длину. Тренер полюбил Галину любит легкую атлетику во всем ее многообразии. Вот почему он решил готовить Галину к легкоатлетическому пятиборью.

Нетрудно представить, с какой радостью талантливая ученица согласилась с мнением тренера. Ведь ей так нравилось подтягивать Галину-барьеристку к достижениям Галины-прыгуньи, а Галину-бегунью — к результатам Галины-метательницы! Тренер тщательно отщипывал отдельные элементы техники сложных дисциплин.

Кропотливый труд принес свои результаты: Галина установила юниорские рекорды города Горького по прыжкам в высоту и в длину, обновила республиканский рекорд в метании диска, стала чемпионкой Российской Федерации и Советского Союза.

Когда молодежь спортсменки вышла на старт вместе со зрелыми мастерами, она почувствовала, что и с ними может бороться, как с равными.

Во время спортивного праздника на московском стадионе «Динамо» в честь премьер-министра Уиндин Дивакаррала Неру Галина впервые выполнила норму мастера спорта в беге на 80 метров с барьерами, а через некоторое время, на первенстве Российской Федерации, она стала чемпионкой республики. Отличилась Галина и в пятиборье, первыми выполнила норму мастера спорта и установила новый всесоюзный рекорд. Это был значительный успех.

—Новгородским ливнем встретил Тбилиси участников легкоатлетического первенства страны 1955 года. Но вот омовоз тун проварилось солнце, просохли бетовые дорожки. Галина упорно боролась за высший результат в пятиборье. Она уступила первенство только опытной москвичке Александре Чудиной. В тот же день состоялся финальный забег на 80 метров с барьерами. Вряд ли сама Галина предполагала, что сможет победить в единоборстве с такими мастерами, как рекордсменка мира ленинградка Галина Ермоленко и чемпионка СССР и Европы москвичка Мария Голубинича.

Одновременно с сполотом выстрела взорнулись со старта спортсменки и понеслись к финишу. Постепенно цепочка растягивается. Чуть замето вперед вырывается Голубинича, но вскоре ее нагоняет Ермоленко. Но она ли

окажется победительницей! Но что этой! По радкам зрителей проносятся гуд удивления: на последних метрах дистанции к лидеру приближается Быстрова. Еще барьер, еще... Вот и последний. Вперед бешет ленточка финиша.

спортсменка: на соревнованиях сильнейших легкоатлетов «Буревестника» она установила новый мировой рекорд.

— Вначале не все шло гладко. В толкании ядра Галина не удалось превзойти даже личного достижения. Измнривательная рулетка остановилась на 12 метрах 73 сантиметра. В прыжке в высоту был зафиксирован ставший стандартным результат — 1 метр 58 сантиметров. И только в третьем виде — беге на 200 метров — Галина превзошла себя: стрелки секундомеров замерли, показав 25,2 секунды!

Первый день окончился удачно. После трех видов пятиборья Галина набрала 2741 очко, всего на четыре единицы меньше мирового рекорда ленинградки Нины Виноградовой.

Фото А. Бурдукова.

Галина Быстрова (спереди) в рекордном забеге на 80 метров с барьерами.

Фото А. Бугаева.

Усилие — и Галина первой, на какое-то мгновение раньше своих соперниц срывает ее со стоек.

Горьковчанка, которой исполнился двадцать один год, стала обладательницей первой в своей жизни золотой медали чемпионки!

Новые радости принесли Галине спартакиады народов Советской России и народов СССР, на которых растущая спортсменка снова завоевала золотую медаль.

Особенно запомнились Галине XVI Олимпийские игры, хотя она осталась недовольна своим выступлением на далеком австралийском континенте: слишком неровничала и в финальном забеге на 80 метров с барьерами заняла только четвертое место. Но специалисты легкой атлетики по достоинству оценили тогда огромные задатки русской спортсменки. Наблюдавший за ее бегом знаменитый негритянский спринтер Джесси Оуэнс, герой Олимпиады 1936 года, высоко оценил мастерство Быстровой и предсказал ей большое будущее.

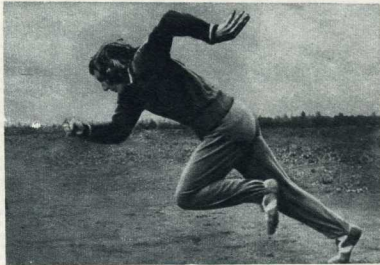
Выдающийся атлет не ошибся: горьковчанка Галина Быстрова стала первой многоборкой мира.

Блестящая победа Быстровой не составляла случайность и даже не результат природной талантливости. Секрет ее успехов — в

настойчивости и упорстве, в неукротимой воле к победе.

Галина Быстрова — трудолюбивая и волевая спортсменка. Она — что особенно важно — умеет критически оценивать свои успехи и неудачи. Даже проигрывая, Бы-

рова старается паренать все ценное, что было подмечено ею во время соревнования у более опытных соперниц. Она прекрасно понимает: без постоянных поисков нового нельзя добиться высокого спортивного мастерства.

ЛИЗА

Рассказ

тельно светлыми и непотускневшими, как у ребенка; — с четко очерченными темными зрачками. Он оставал на рассвете и тотчас уходил этюдом, а спать ложился рано, как только угасал за Волгой закат. Возвращался к ночи в комнату, я слышал в темноте его сонное посапывание, а когда просыпался, Агафонов уже не было. Одеваясь, я рассматривал его этюды. Они висели на стенах, небрежно приколотые кнопками, стояли на ящике, на тумбочке, даже на полу: утренний туман на дугах; березка в поле — одинокая и грациозная; выхристый мальчишка в лодке; грузинка с зерном на пыльной дороге; домики с темными разными наличниками; ручей с ораге, забросанной бузиной; грозные облака над лесом; бериза у берега.

Я не увлекался живописью и мало понимал в ней. Впервые мне довелось увидеть этюды не в выставочном зале, а вот здесь, у Агафонов, в ясные утренние минуты. Меня поразила рисунок именно того блекло-зеленого цвета, какой бывает у беризы под кедрами в солнечный полдень. Я узнал и беризу, стоявшую у берега, и море за окном. Я много раз проходил мимо нее по скрипящей гальке, но только теперь, на рисунке, рассмотрел ее крутой борт, покрытый насаженными петлями, спящими подтеки в пазах и трос, провисший до самой воды.

Однажды я заметил новый этюд, написанный Агафоновым накануне: девушка с рюдиной на щеке сидела в траве, шурша от солнца. На ней было простенькое пальтишко с маленькими белым голубком на груди. Я отложил рисунок и забыл о нем. Но на другое утро увидел новый этюд Агафонов, на нем опять была эта девушка с рюдиной. Она сидела на берегу пруда, словно Аллушка из сказки: мягкая и застенчивая. У нее были серые, затененные ресничками глаза с золотистой искоркой в больших зрачках. Я долго стоял перед этим маленьким портретом. А вечером, войдя в нашу комнату и тихо прикрыв дверь, не услышал в темноте сонного дыхания своего соседа. Его не было. Я подумал, что в этом аниозата девушка с серыми глазами. Днем я уже видел ее на берегу вместе с Агафоновым в какой-то высокой даче в цветастом сарафане. В лице и художной фигурке «Аленушки» не было ничего необычного. Простая девушка с серыми глазами. Мне было восторжено, что Агафонов в этот раз так ошибся в похожести, и я пришел к заключению, что художник — все же неисправимый фантазер, как бывает в жизни. Нет, в

жизни она ничуть не похожа на сказочную Аллушку. Но почему-то я долго не мог отойти от портрета.

Утром я опять увидел эту девушку. Плыл к кедрам в лодке и увидел. Она сидела на камне у самого берега. Рядом стоял с этюдом Агафонов и рисовал ее. Девушка в цветастом сарафане бродила босиком по мелководью. Агафонов заметил меня и помалашу рукой. Девушка в сарафане закричала:

— Пяльте сюда-а! Возьмите нас!

Девушка с рюдиной не обернулась. Может быть, только краем глаза она взглянула в мою сторону. Подплыла к берегу, я думал о ней, хотя был убежден, что не стоить о ней думать; в памяти упорно всплывали серые глаза с золотистой искоркой.

Лодка с разбегу заскрипела днищем по гальке. Девушка обернулась, и я увидел ее воступки и рюдину на щеке.

— А, это вы, Робинзон! — сказала она, улыбуясь.

— Вас все называют Робинзон, — лукаво пояснила девушка в сарафане. Вы с утра устроились на лодке. Говорят, что вы живете в лесу и питаетесь ящерицами.

— Людмила, не бойтайся, — сказал Агафонов. — Просто человеку хочется побыть одному.

— У него была несчастная любовь, и он до сих пор переживает! — хохотала девушка.

— Лодка, сейчас же перестань с улыбки потребовала девушка. —

— Не пережуйте, хуча в джунгли. Робинзон, отвезите нас на свой остров!

— Не придумывайте, мне надо дописать! — сердито сказал Агафонов.

— Там допишете! — крикнула Людмила, прыгая в мою лодку. — Лиза, пьемка в Робинзон!

— А там хорошо! — вдруг спросила Лиза.

— Ничего особенного, я там был, — пробурчал Агафонов.

— Нет, там очень хорошо! — горячо сказала я.

Лиза улыбуясь, и что-то смутно знакомое мне, какая-то теплая искорка мелькнула в ее глазах.

— Иван Макарыч, мы едем, — сказала она, и Агафонов покорно стал вытирать лицо.

Все перебрались в лодку. Я завел ее восток берега, и закрывшийся на носу высокий кот ветрилы затрепетал от ветра, выгнувшись, словно парус, и лодка медленнее пошла против течения.

— Он не Робинзон, он Колумб! — крикнула Людмила.

Не впервые я плыл под этим зловещим парусом, но еще никогда мне не доставали столько радости холодные бризы и лица, горячий ветер, обжигающий плечи... Казалось, я впервые видел и ощущал все это. То, что я делал в одиночестве, теперь приобрело иной смысл, потому что вместе со мной в лодке была сероглазая «Аленушка».

— Вы душенька, Робинзон! — громко смеялась Людмила.

— Угломонись ты наконец! — одернула ее Лиза.

Но подруга не переставала хохотать.

— Ой, Лиза, я уже аллюбила!

— Ему явно везет, — не замедлила поощрить меня Агафонов.

Он сидел на корме и что-то рисовал в блокноте. Я был уверен, что и на этот раз он рисует Лизу. Она примостилась около него и следила, как бегает по бумаге карандаш. Мне все время казалось, что Лиза старается не смотреть на меня.

Городок уже скрылся за паромом, и мы плыли вдоль лесного берега. На высоком берегу белели палатки пионерского лагеря. Ветер стих, только на середине Волги серебрились порывистая рябь. Агафонов сел за весла, стараясь казаться молодым,

Рисунок В. Косуляникова.

В середине лета я уехал на Волгу, в те знаменитые левобережные места, где еще недавно под высоким и лесистыми берегами золотились просторные отпели. Тесны перки лежали глубоко под водой. Горьковская ГЭС подняла Волгу, и река, разливаясь, текла в этих местах медленно и лениво. Когда дул низовой ветер, течение совсем замирало, у берегов полосами зацветала ряска. Но на середине вода оставалась чистой, волны нехотя покачивали лодку. С реки были видны старинный городок, прижатый к воде обрывистыми холмами, широкие, приравненные зернохранилища, окруженные пыльными грузозагонами, одиночанные домики с антеннами, тропинки на травянистых откосах, деревянные пристани и новая дамба, закрывшая городок от высоких паводков. А на самой окраине прятался в зелени наш дом отады.

Если дул низовой ветер, можно было покататься в лодке упрругую ветвь какого-нибудь пышного дерева, и тогда лодка сама шла против течения — мимо толстого берега, заборами, чистые голубоватые звезды. В этой тишине и одиночестве забывалась томительная городская зима — пропавшие табачком кабинеты, переполненные провалобуды, долгие заседания и споры, толкучки в кино.

Я был рад даже тому, что почти не видел своего соседа по комнате, художника Агафонов, немолодого человека с акkuratной бородой, говорившего с мягким оканьем, по-уральски. Его лоб был покрыт разными морщинами, но глаза остались удив-

он начал грести широко и размахисто и даже залеп хриплозвучным баском, но скоро устал. Я смеялась Агафонова и гроб вместе с Людмилой; она неумело била веслом по воде и, спасаясь от брызг, с хохотом прижималась к моему плечу.

Наконец лодка ткнулась носом в песок под кедрами. Солнце стояло высоко, по небу плыло одинокое облачко, пахло смолой. В кустах шиповника гудели пчелы.

У самой воды песок был влажным и прохладным, хотелось пройти по нему босыми ногами. Людмила первой прыгнула на берег и требовательно крикнула: — Робинзон, показывайте ваш остров! Она вскарабкалась по обрыву к кедрам, и оттуда донесся ее голос: — Робинзон, идите сюда!

— Иду,— рассеянно ответил я. — Это? — воскликнула Агафонова — Она уже хляпала в кувалочку. Такая не упустит. Как вы думаете, Лиза?

Лиза молча взглянула на меня. Наверное, я очень растерялся. Она покосилась на меня и, не ответив Агафонову, пошла вдоль берега.

— Лиза, куда вы? — растерянно крикнул Агафонов.

Отглянувшись на меня, он пошел за Лизой.

Они ушли все дальше и дальше; цепочка их следов на влажном песке напоминала узорчатую кайму. Наконец Агафонов дотянул Лизу, и они вместе направилась в сторону леса. Я отвырнулся.

Лиза... Простенькое, какое-то ситцевое имя — Лиза. Она, наверное, учителем в каком-то маленьком городке. Я представлял ее торопливо идущей в школу по свежему утреннему снежку. На ней легкое пальтишко и пуховый берет, а в руках стопка учебничек-тетрадей. Она спешит мне навстречу, простенькая, будничная, и я стараюсь поймать ее взгляд...

Сверху с сухим шорохом посыпалась стружка песка. На краю обрыва, поджав ноги, сидела Людмила и общипывала ромашку. Она, наверное, поняла, что мне нравится Лиза. Я ждал ее насмешливого хохота и сказал с вызовом:

— Ну, к сердцу примет? Или к черту пошлет?

Она не ответила. Последний лепесток медвяной колоски сорвал жарким воздухом, опустился на воду и белым корабеликом поплыл по течению.

Вот и все,— спокойно сказала она. Я ведь и так немножко соображаю... Вы видите? Они где-нибудь недалеко.

Я влез на обрыв по сухому, сыпучему песку.

— Знаете, что, Лодка...

— Знаю,— оборвала она и пошла глотком к лесу.

Я шел за ней и глазами искал Лизу. На опушке в анфиом безветрии колебалась на ветру, словно это потоки расплавленного золота струились над горячей землей. Под своими большими зонтиками ромашки зашуршала от жары. Одинокая бросила в песок луг зыбкую тень. Старое разветвленное дерево было похоже на бьющий из-под земли фонтан зелени: росла и росла, и встала стремительно высоко, торя очертанья, распластав зелеными ветвями. Если издали я увидел, что Лиза сидит

в тени под березой и Агафонов прыгает ее.

— Эй, вы, пропащие! — крикнула Людмила и побежала по лугу. Она бросилась в траву рядом с Лизой, придерживая свой пестрый сарафан, широкий, как занавес.

Агафонов сердито поднял кисть и сказал:

— Ваш сарафан мне все портит. Черт знает, какой-то цветник под деревом!

— Неправда, я в нем красивая, — насмешливо возразила Лодка.

Лиза встала и набросила на волосы косынку.

— Илан Макарчич,— сказала она,— ну, нарисуйте ее. Что вам стоит? А я пока поброжу.

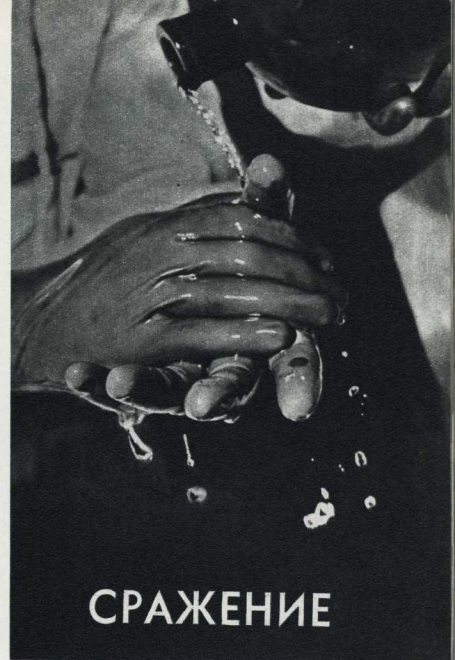
И она пошла обратно к реке. Мы молча смотрели ей вслед.

Через минуту Агафонов, словно очнувшись, шумно вздохнул и повернулся к этюдиону. Поднял кисть, задумался и сделал быстрый мазок. В его отрывистых движениях чувствовалась ослепительная решимость. На этюде старое дерево действительно было похоже на вихрь зелени, вырвавшийся из-под земли. Агафонов даже усилил это сходство. Как он это сделал, я понять не мог, сколько ни вглядывался в пестрый хаос мазков. Казалось, что солнечные блики на листьях скользят по кроне вместе с ветром, и чудился слабый шелест ветвей, похожий на шорох грибного дождя... Двумя — тремя легкими мазками Агафонов набросал человеческую фигуру под деревом.

— Это совсем неплохо,— сказала я художнику и, отойдя к дереву, вел рядом с Людмилой. — Ну, что вы тут топчетесь! — грустновато спросила она.— Шли бы к ней. Разве я не вижу?

И я пошел. На лугу, в высокой траве, еще был виден Лизин след. Вперед блеснула река. Над берегом летала чайка. Тяжелые лапы кедров совсем приникли к земле, защищая свои корни от зноя. На траве у обрыва залягали ушедшие лепестки ромашки, разбросанные Людмилой. Я подбежал к обрыву и вдруг увидел Лизу. Она стояла босиком в воде у самого берега. Левая нога еще не успела смыть ее маленьческие следы на песке. Девушка смотрела, как кружит над Волгой чайка,— смотрела, подняв голову и улыбаясь,— и сразу уловила этот взгляд, эту золотую улыбку в серых глазах, этот огонек радости, чуть затененный ресницами. Слово охнула та мягкая, застенчивая Аленушка, словно открылась она незнакомца. Вдруг Лиза обернулась и заметила меня. Лицо ее сразу потускнело, золотистая искра в глазах померкла.

Я смотрел на девушку в изум, не скрываясь, и вот в ее глазах снова загорелась доверчивый огонек. Я улыбнулся, и в ответ всплыла ее улыбка. Спрыгнув с обрыва, я сразу же обернулся к Лизе. Она что-то сказала. Слов я не слышал и только видел, как пошевелились ее губы. Всклонив голову, она смотрела мне в лицо. И все же было что-то зловещее в ее взгляде, как будто она увидела солнце, и ветки кедров, висевшие над нами, и чайку над Волгой, и даже белые облака, которые плыли где-то в бездонном небе и все же были так совсем рядом! — а этих бесконечно близких серых глазах, ставших для меня всем миром.

СРАЖЕНИЕ ЗА ЖИЗНЬ

Э. СВЕТЛАНОВА

— Я хочу, чтобы ты спал...

Но человек не может уснуть. Глаза его смотрят жалко, тревожно, мечутся на стороны в сторону. Дрожание пальцы нахлывают повязку и тянут ее с виска — хотят отстранить тесные кольца бинтов, скрывающих голову. На простыню сползает термометр: сорок!

Хирург вводит его шпатель, шпатель слабый, трепещущий пузырь.

— Я хочу, чтобы ты спал... Попробуйте! — говорит он еще раз, но уже по-азербайджански.

...Как важно найти ту итничку, которая свяжет врача и больного доверием и теплом! Сейчас такой итничкой являлся родная азербайджанская реч. Горичие глаза большого плахижне, сосредоточиваются, несуетливо громкий, сломанный голос спрашивает:

— Габит? Конечно, это он, Габит Габитов! Познать только: так далеко от дома, в Москве, встретит земляка!

Четыре года назад Габитов сделал эту трудную операцию на мозге. Тяжелая опухоль, нарушившая функцию зрительного центра, была устранена, и теперь хирург не отходит от постели больного. Неважно, что больной уже в другой палате, что за ним наблюдают другие врачи. Но никак не сам Габитов все чаще потирает руками покрасневшие веки. Ведь именно его ждут внизу родные и близкие больного. Они не слышат стонот любимого человека, они ждут, что скажет хирург.

Габитов спускается в вестибюль.

У нашего героя все хорошо! — говорит он жене больного.

Разве можно сказать что-нибудь другое этой женщине, на бледном лице которой остались одни глаза? Но нейрхирург Габит Габитов не совард, он честный человек, он просто верит: сражение за жизнь кончится победой.

— Совсем хорошо... повторяет Габитов по-азербайджански, и женщина успокаивается.

А Габиб возвращается в палату. Большой бредит. Как быстро летит время! Вот пролетели целые сутки, как один час... Чертовски все-таки трудно! Ну что же. Он знает, что так будет.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ

Хирургия... С десятка лет любил в нее Габибов. Одна из древнейших наук мира, она прошла удивительный путь развития. Родившаяся под мраморными сводами церкви и храма, она не скоро попала в руки ученых врачей. Вначале хирургия была ремеслом цирюльников и кузнецов, банщиков и коновалов и всего три столетия назад водворилась в русло строгой и точной медицинской науки, соединив в себе знание и искусство. «Операция — творчество. Она красива, как всякий творческий акт. Хирург — художник и мастер сразу», — писал один старый врач. «Напряжение духовных сил, непоколебимое мужество и воля, безграничность знаний», — предупреждал он, — вот главные черты хирурга... Тщательность и одаренность, находчивость, быстрота решений и — ежедневное сражение за жизнь...»

Такой и представляла Габиб свою будущую профессию. Именно этим хирургия манила к себе юношу.

...В шедшей солнцем Ленкорани прошло детство Габива. Свой нехитрый труд семья Габибовых честно отдала родной земле. Жили трудно. О науке никто не думал. Лишь десять человек из сотни жителей могли разбираться в грамоте, да и во

всем Азербайджане не было тогда ни одного высшего учебного заведения. Потому и не сложилось матери Габива, что доведется ей к старости назвать сынов и дочерей такими муремрами и важными именами, как инженер-нефтяник и автогонщик, зооинженер и фармацевт, геолог и нейрохирург.

Выросли дети и разошлись по большой советской земле. И каждый — совершил удивительный путь — открыл в себе талант, нашел для него применение.

Комсомолец Габиб приехал в Москву. Он давно мечтал об Институте имени Н. Бурденко.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

За оном, в зеленом скверике, бьет Николая Бурденко — крупнейшего советского хирурга, создателя и первого директора нейрохирургического института. Вот уже в двенадцатый раз коллектив института посмертно отмечает в мае день рождения ученого. Бурденко любил окружать себя молодежью: он думал о будущем нейрохирургии — науки, едва ли не самой новой в медицине. Потому-то в институте так много молодых врачей. Они прохладят здесь обширную практику, работая рука об руку с крупнейшими учеными, обретают ценный, ничем не заменимый опыт. Вот и сейчас вместе с Габибовым дежурит у постели больного комсомолец Всеволод Лабутина — нейрохирург, недавно окончивший ординатуру. Рядом ведет наблюдение за больным тоже молодой врач-декабрист Владимир Землин: нейрохирургическая операция может вызвать изменения в психической деятельности, нужен зоркий контроль.

День, когда Габиб впервые надел белый халат и поднялся по лестнице, ведущей к операционной, был для него необыкновенным: с этого дня началось осуществление мечты. Но только начался. Двери операционной для Габива были еще закрыты. Он стал клиническим ординатором и получил возможность учиться у лучших хирургов страны. Не один год някачивался он в лаборатории, на одной из научных конференций сделал доклад «Микро-мозг позвоночника». Пусть не очень много нового сообщил об этом редком заболевании костного мозга Габиб Габивов, но его работа была все же признана удачной, принесла пользу науке.

Окончив аспирантуру, Габиб получил назначение на работу в воздушную «Скорую помощь». От Вороты до Ленинграда — в любви к своей стране летел молодой хирург, когда требовалась срочная операция на мозге. Времени всегда в обрез. Принимать решения нужно было мгновенно. Значение клинического материала давала глубоким анализом, помогал Габибову быстро разобраться в тонкостях болезни человека, которого ему доверил спасать. Вот мальчик 12 лет. Рвота, тяжелая головная боль. Плачушая мать. И Габиб склоняется над операционным столом Вологодской клиники. Часами длится сражение за жизнь мальчугана и олицетворяется победой.

Вот молодой дежурит под Вологод. Абсцесс мозга. «Состояние крайне тяжелое», — констатирует врач. Надо ли оперировать? Можно ли? Все это должен решить Габибов.

Многие десятки тяжелых случаев были занесены в те годы в бланки отчетов об операциях Габива. Они вошли в архив станции воздушной «Скорой помощи». Они легли бесценным даром в сокровищницу опыта молодого врача, открыли перед ним двери операционной Института имени Н. Бурденко.

МИР МЫСЛИ

И вот он снова стоит, готовый к операции. Тщательно вымыты руки, надеты резиновые перчатки, до самых локтей натянута стерильная маска. Больной лежит на вышом операционном столе. Сестры бесшумно и быстро подносят инструменты и материалы; у сложных электрических устройств, помогающих хирургу во время операции, появляются молчаливые люди в масках.

Ослепительно светла тишина операционной в этот час. Здесь сдерживается смелое вторжение хирурга в тончайшее глубинное человеческое мозага — высшее творения природы.

Над головой больного загорается мощная бестеневая лампа, и серебристый блеск инструментов, близна операционного стола, приобретают особую остроту. Все готово. Уголов новоканна в голову нарушают проводимость нервных волокон, наступает нечувствительность к боли...

В руках Габива Габивова блестящая скальпель — операция началась.

Быстро вскрыт и отделен толстый кожный покров головы. В открывшейся вазу хирурга отбрасывается черепная кость, просверливается пять отверстий. Учится сверло коловорота. В образованные отверстия

хирург прозевает длинные гибкие пилочки и ловко переплетает костную ткань. Вот уже приоткрыт и отделен в сторону костный лоскут, вскрыта твердая мозговая оболочка, прорезана кость в коре головного мозга... Крест-накрест скользят скальпель — и твердая оболочка вскрыта. Рука уверенно вводит скальпель в гущу живых, трепещущих извилин — в мозговое вещество.

Мир мысли... Вот он лежит, доверчивый и спокойный, таинный в своей сложной, филигранной структуре столько еще загадок. Давным-давно стали доступны вмешательства хирурга в уголки человеческого тела, и только перед высшим отделом — перед головным мозгом — остановился хирургический нож: мир мысли был неприкосновенен. А сейчас... Уже несколько часов идет операция. Малейшая неловкость, непродуманное движение — и нервные клетки могут быть задеты, важные центры управления организмом повреждены. И каждая ошибка, каждая неточность, она всегда сопряжена с риском для хирурга и для больного.

...Неожиданно исчез у больного пульс — операция приостановилась. «Напряжение духовных сил, находчивость, быстрота решений», — предупреждает когда-то Габива старый врач со страниц книги. И теперь хирург должен решить: оперировать ли дальше?

Быстро переливание крови удаляет пульс, его слышат, его тонкие, еще удаваемые точки. В глубину мозга погружается крохотный огонек специальной лампочки и отчетливо освещает мозговое вещество. Быстрое движение — опухоль иссечена. К больному в скором времени вернется зрение.

Сколько бессонных ночей посвятил Габив изучению всех тонкостей строения человеческого мозга, главных законов его жизни! Как детально исследовал ходы нервных волокон и кровеносных сосудов внутри мозга, чтобы теперь правильно выбрать в сложной мозаике шестидесяти миллиардов тончайших клеток то единственное место разреза, которое привело бы к победе над болезнью!

Вряд ли руки выдают волнение хирурга — рука оперирующего должна быть твердой и смелой. Но каждый, кто видел сейчас темные глаза Габива, надолго запомнит их острый, напряженный свет. Операция закончена, и хирург удовлетворенно улыбается. Непредвиденные осложнения, и он становится ответственным за каждое событие в жизни больного. Вот потому и не отходит четверть суток от постели больного мальчика-азербайджанца Габив Габивов. У больного скачет температура, и хирург записывает все ее неожиданные колебания. Впрочем, к этой стороне дела у Габива особое внимание, сохранившийся еще с той поры, когда была защищена кандидатская диссертация. Габив посвятил ее температурным реакциям организма в послеоперационный период. Сколько тысяч исследований проделал он в ту пору, сколько забываемых дней и ночей, круглосуточных дежурств провел у постели больного! Это уже сейчас. Он уже понял, отчего струйка ртути термометра взлетает до сорока. Он знает, как удержать ее. Он делает это сам.

Часами длится в операционной сражение за жизнь больного.

Габиб ГАБИВОВ

Фото М. Мурашова.

Акварель А. Ливанова.

ГРЕНАДА

Слова Михаила СВЕТЛОВА

Музыка Павы ТУРТЫГИНОЙ

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях,
И «блочки»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Донны хранят
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню мную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.

Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть!
Отвять, Александровск,
И Харьков, отвять:
Давно ль по-испански
Вы начали петь!

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папада лежит!
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он медлит с ответом —
Мечтатель-хохол:
«Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,

Высокая честь —
Гренадская волость
в Испании есть!
Я кату прокрутил,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родина!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Мы мчались, мечтая
Почтень посорей
Грамматку боя —
Ваша багряя,
Восход поднимался
И падал опята,
И лошади устала
Степным сквалят.
Мы «Яблончо»-песню
Играл эскидрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Тяже приятель,
Песня твою:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Пробитое тело
Назвем сплюзало,
Товарищи впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шептали: «Гренада»!
Дал в дальнюю область,
В заблочный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери боя
И «Яблончо»-песню
Дошел до конца.
Льш по небу тихо
Сползла погода
На бархат завата
Слезинка дождя...

Ноемы песни
Продумала нежить...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

ЧТО МЕНЯ ПОВУДИЛО НАПИСАТЬ «ГРЕНАДУ»

О дядице Магювский, улыбаясь,
казал мне: «Светлой! Что бы
я ни написал, все равно все воз-
вращается к моему «Юблану в ша-
дрок». Божьсь, что с вами и с вашей
«Гренадой» произойдет то же са-
мое».

Это были пророческие слова. Кто
бы со мной ни познакомился, обя-
зательно скажет: «А, Светлой! Грена-
да!» Становится несильно общи-
ду, захватит, что за сорон лет сво-
ей литературной деятельности я на-
писал только одно стихотворение.
Думаво все же, что это не так.
Но доказывать как-то не хочется.
Думаво международного братства в
наши дни стала куда шире, чем в
то время, когда я написал «Грена-
ду». Тогда стала нырять. Социализм
из орденна вынос в орла. Глоуб

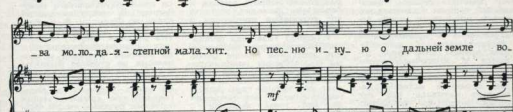
«ГРЕНАДУ»

все больше и больше понимается
красным цветом братского знаме-
ни. И, конечно, каждому поэту хо-
чется, чтобы на этом знамени бы-
ла выткана хоть одна его — поэта —
ниточка.

И тогда нисомольдым смотрят
на меня с удивлением и моей на-
ступательной старости, мне хочется
приникнуть на всю вселенную: «Това-
рищи! Я еще что-нибудь напишу,
проще «Гренады»».

Мне недавно прислал из Пари-
жа пластинку. На ней озвучена
«Гренада». Прекрасна музыка, со-
чиненная композитором на слова
моей песни, хорошо исполняет ее
певец. Почему же так хорошо по-
пулярность? Сблизились народы, сбли-
зились сердца, и, следовательно,
сблизились искусство. Если в два-

Не спеша. Выразительнее

дцать лет беспрерывно дорогой
мне парижанка ездил веролом по
Ублану и пел манювский песню,
но, что столько лет их связыва-
ет этих влюбленных и справедливости
парижанин — и в Китае, и в Болга-
рии, и в Румынии, и в Польше, и
в других странах молодого социа-
лизма!

На одном собрании меня спроси-
ли: «Что же вас, всестран, побу-
дило написать «Гренаду»? И что-
то, добавив: «Видь у вас в Ис-
пании нет никаких родственнико-
в».

Отвечать очень просто: Советская
музыка побуждала.
У нас часто просят так. Мело-
дой поют едут на целину и тут же
дуют поэму о целине, едут на
Магнитку — и тут же поют поэму
о Магнитке. Но поэмы эти и стихи нисом-
ольды. Нисомольды мало ощущают только
эризмем, только слухом или толь-
ко обонянием. Нужна мобилизация
всех чувств для того, чтобы напи-
сать хотя бы только одно стихотво-
рение.

Есть непреложный закон творче-
ства — нарастающее чувство. И нисом-
гда не следует забывать об этом.
Мне далеко до полного заната!
Так много впечатлений, уже
намного, Я так хочу, чтоб чувства, как
намного, сощадать.
В моей душе не пощадим строй!
Михаил СВЕТЛОВ

На севере Африки, по южному побережью Средиземного моря, раскинулись земли Алжира — страны, населенной гордыми и смелыми народами, пронесшимися сюда веками страданий, неукротимое стремление к национальной независимости. С древнейших времен этот народ боролся с многочисленными иноземными захватчиками. Но самая мрачная и кровавая страница истории алжирцев началась 128 лет назад, когда на их землю вторглись французские колонизаторы. Они превратили Алжир в бесправную колонию. В руках французских капиталистов сейчас находится 98 процентов промышленности Алжира. Французские землевладельцы получают свыше половины доходов от сельского хозяйства, хотя составляют всего лишь около 3 процентов населения сельских районов страны. Годовой доход алжирского крестьянина в 11 раз меньше дохода жителя Франции.

О демократическом движении, произошедшем в Алжире французскими колонизаторами, можно судить по такому примеру: европейцы в Алжире в 18 веке были ничем неурядного населения, но

при выборах органов власти они избирают столько же представителей, сколько их разрешено избирать арабам и берберам. Выходит, что голоса европейцев приравнен к девяти голосам алжирцев.

1 ноября 1954 года алжирский народ поднял вооруженное восстание против немощных французских колонизаторов. Плавая самодельной осадобойной войной не угасает уже четыре года. Армия национального освобождения за эти годы выросла до 100 тысяч человек, организованных в регулярные воинские части. По всей территории Алжира повстанцы создали органы народной власти, большинство которых действует в подполье. Чувствуя, что сопротивление алжирцев невозможно сломить даже самыми жестокими репрессиями, проводимыми 600-тысячной армией, французские колонизаторы в мае этого года объявили о начале Фашистской войны, поставив на главе Алжира нового реакционного вора.

Воспоминания бывшего солдата русской армии Василия Ильича Иванова, которые мы начинаем публиковать с этого номера, посвящены

одному из многочисленных преступлений французских империалистов, достигших ныне до отвратного поущения на республиканской строй во Франции. В. И. Иванов вместе с тысячами других русских солдат, посланных царским правительством на помощь Франции, и воюющих на стороне Антанты в Греции и Сербии, в начале 1918 года был угнан в Алжир за отход вступить в белогвардейскую армию. Тысячи простых русских людей, одетых в солдатскую форму, перенесли чудовищные лишения, испытаны варварские зверства французской воюющей.

Колонисты-землеладельцы, отчаявшись на своих плантациях русских людей, купленных ими за гробом у французской воюющей, были отчужены и прямыми предшественниками тех, кто ныне установил и поддерживает фашистскую диктатуру во Франции.

Автор воспоминаний работает сейчас продавцом в Центральном универсаме Москвы.

Литературная запись воспоминаний сделана А. Першиным.

Случи вскоре подтвердились. В декабре 1916 года мы уже были в греческом порту Салоники. Сразу же бросилось в глаза огромное скопление войск. По южной стороне маршировала французская, английская и русская пехота. Под командой английских офицеров шли шотландские стрелки, индийские пехотинцы и кавалеристы. Французская командовала сенегалцами, алжирцами, марокканской конницей и низкорослыми крещеными амянтами, как называли тогда вьетнамцев. Кроме того, были здесь италийские, греческие и сербские отряды. Все эти силы накапливались для освобождения Сербии от немецких войск.

«СОКРОВИЩА» ДРЕВНЕГО ХРАМА

Наступление началось в январе 1917 года. Наши полки сменили засидевшиеся в окопах французские части, которые были до крайности измотаны и ололобены. Русских солдат французы встретили радостно. Как им очерствела солдатская жизнь, но без обид и поощрений не обошлось.

Наше положение на передовой линии влекло смещение в ряды противника. Добытый нашими разведчиками «язык» рассказал, что немцы с ужасом ожидают атаки русских.

На рассвете следующего дня мы перешли в наступление, и за час до сток прошли около восьмидесяти километров.

К концу февраля Сербия была полностью освобождена. Такой стремительности и такого быстрого военного успеха, пожалуй, еще не знала. О героических делах русского экспедиционного корпуса писала мировая печать. Какие только корреспонденты не одевали нас! Это был настоящий штурм и натиск. В русских частях со смехом говорили: «Вместо немцев русских атакуют журналисты!».

Когда военные действия в Сербии были закончены, русские полки немедленно оттащили под Салоники. Здесь мы и узнали о Февральской революции в России.

Свобода! Свобода! — слышалось вокруг. Но никаких существенных изменений мы не почувствовали. На нас стали приходить приказы Временного правительства и называть офицеров не «ваше благородие», а «ваше офицер». Вот и вся «свобода».

Как-то ночью часть вновь подняла по тревоге и погрузилась на пароход. Вскоре мы прибыли к греческому полуострову Афон в Эгейском море. Оказалось, что на этом острове свила гнездо вражеская разведка. Немецкие шпионы организовали здесь базу для снабжения подводных лодок горючим. Но наши командиры — поручик Сметерский и неспеша с поисками вражеских агентов. Какой-то проходивший по секрету рассказал ему, что будто бы в развалинах древнего храма упрятали несметные богатства. Поручик отобрал команду в пятнадцать три человека (куда пошла и я), вооружил нас ломами, кирками, топорами и отправил искать золото и драгоценности.

Эта нелепая операция чуть не стоила мне жизни. Как только мы прибыли на место, поручик рассредоточил нас по обширной территории бывшего храма и приказал прощупывать каждый метр.

Уже большие часы я потихоньку тужал лодом, но ничего не находил. Стояла сорочья-пятирудная жара. Хотелось бросить это бесполезное занятие, но вдруг лом мой прова-

Кажется, день, раскрывая свежий номер газет, был включая радиоприемник, я с волнением читаю или слушаю тревожные вести из далекого Алжира. Кровавый холост в моем сердце, когда узнаю о новых злодеяниях французских колонизаторов в этой небольшой, но многострадальной стране. Приговоры к смертной казни и к позвиженной каторге людям, единственное преступление которых состояло в том, что они хотели жить свободно и счастливо на родной земле. Сотни беззащитных стариков, женщин и детей, стрелянных колонизаторами... Меня потрясла трагическая судьба национальной героини алжирского народа Джамилы Бухидер и ее мужественных попутч. В те дни в газетах было опубликовано открытое письмо советской школьницы Натальи Олейниковой.

«Судьи Франции! — писала она. — Я плачу, глядя на их фотографии. Я прошу вас, судьи, не убивайте этих девушек. Мне только 10 лет. Я вас возненавижу, если вы убьете их в чем не повинных девушках!».

Я всем сердцем помню человека, которые овладела Наташей и миллионами моих молодых соотечественников. И как не понять их, если на мою долю выпало испытать все ужасы режима, установленного в Алжире французскими империалистами! В годы первой мировой войны мне, молодому солдату, вместе с тысячами моих товарищей царское правительство послало защищать Антанту на Западном фронте. Когда в России победила Октябрьская революция, мы оказывали помощь против Советской власти, и французские генералы при подмоге содействия белогвардейских сил угнали нас, русских солдат, в Алжир, на каторгу к богатым французским землевладельцам.

Вот об этом я и хочу рассказать в своих воспоминаниях.

НАС ОТПРАВЛЯЮТ НА ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

— Тебе, Иванов, оказана честь, — с усмешкой сказал мой ротный командир поручик Михайлов. — Поедешь во Францию на помощь союзникам. Япон!».

— Никак нет, ваше благородие! — вымалел я.

— Поручик съездил меня по уху. — Болван! Хочешь под суд угнать? Шел в цейтхауз! Получишь обмундирование и французскую винтовку. Крутом, дружище!

Так повернулась моя судьба в 1916 году: я стал солдатом экспедиционного корпуса.

Погуляли нас в гразные трюмы парохода «Венецула» и через Белое море и Атлантический океан поехали к берегам Франции.

Не помню уже, на какие сутки плавания «Венецула» пристала к берегу. Был порт Брест, французский военный порт. Встретили нас торжественно, с музыкой, произносили речи; с балковом в наши колонны летели цветы. Из Бреста русские полки по железной дороге направляли на юг Франции. Пересекать страну, мы почувствовали, насколько искренне расположен простой народ Франции к нам, русским. Надо было видеть лица женщин и девушек, щедро угощавших нас на станциях и попутных кафе, молосом, фруктами и вином! Сколько доброжелательства было в крепких рукопожатиях и улыбках!

Стоял ноябрь, а на юге Франции цвели розы. Розы в ноябре — чудовище! Красная, удивительная страна!

Сначала мы прибыли в Сен-Рафаэль, живописный порт Средиземного моря с пальмами и лимонными рощами, а потом нас зачехом перебросили в Тулон, из Тулона — в город Иер, из Иера — снова в Тулон... По судам, русские части должны были отправиться в Грецию.

заял в каку-то щель. Я едва удержал его. Быстро расшарил щель, я увидел ступеньки, которые вели куда-то вниз. На всякий случай выставля перед собой лом, медленно двинулся вперед. Метра через четыре лом уперся в наглухо закрытую дверь. Дверь была самая обычная, деревянная. Меня это удивило и насторожило: вряд ли в древнем храме, которому, как говорили, насчитывалось не менее тысячи лет, так сохранилось дерево. Я осторожно постучал дверь. Она тихо подалась, и оказалось в совершенно пустой просторной комнате. Пригладевшись, заметил ее одну дверь и, неловко думая, открыл ее. В глаза ударил электрический свет. От неожиданности ослепился...

Комната имела форму правильного шестигранника, пол был кирпичный, потолок сделан из таких же досок, как и двери. В дальнем конце на грубо сколоченном столе лежали какие-то шпильки, нагнетатель брезента. Почти рядом на деревянном топчане спал человек в монашеском одеянии с иссиня-черной бородой. Таких монахов на острове было много.

Тихонько подошел к спящему, а трюкол его за плечо. Монах встретился, вскочил на ноги и дико вытаращил на меня глаза.

— Чего испугался, борода? — улыбнулся я. — Не бойся, не кусався.

Монах побелел и вдруг заговорил со мной по-русски с сильным акцентом.

— Зарастуйте, господин! Милости прошу бы гостей!

— Да уж хочешь не хочешь, а буду — отвечаю я. — Ты как же попал сюда? Серживнешь, кто ли? Под, из монастыря бежал?

Монах неожиданно бухнулся мне в ноги и заборотал:

— О, господин! Не вылавивайте меня! Я бедный... Бедный... Сил больше нет! Изумен чуть в гроб не воюлал, прощайте господа! Мне грешную душу... Я грек, господин! Не выдавайте меня!

Я хотел обнять мои ноги. Отстраняя являющегося на ногу монаха, я случайно задел рукой за его черную бороду и с ужасом увидел, что она сдвинулась в сторону, оголив свежесвищенный подбородок. «Монах» вдруг взметнулся, словно сжатая пружина, и в то же мгновение я получил сильный удар по голове.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем вернулось ко мне сознание. Лежал я на холодном, сыром полу. «Монах» стоял ко мне спиной и судорожно рассовывал что-то по карманам.

Вскочив на ноги, я в два прыжка оказался возле «монаха» и с бешеной силой ударил его в висок. «Монах» упал, как подкошенный. С/убий! — со страхом подумал я, но тут же

успокоился: — Черт с ним! Не я первый убивал!

Сдернув брезент со стола, я увидел... радиостанцию! Шпион! Со сомнения быть не могло. Я был скручен «монаху» руки солдатскими ремнями и плеснул в лицо кружку воды.

«Монах» застоял и открыл глаза.

— Ты за что же убить меня хотел, уажаемый? — спросил я. — Что я тебе сделал плохого?

«Монах» крутнулся ужом. От резкого движения из его кармана вывалился пистолет. Шпион попытался схватить его связанной рукой, но не успел: я наступил на оружие ногой.

— Служай, уажаемый, если ты не обраумишься, я приконю тебя. Слышишь?

— Сдавай... прохрипел шпион... отпусти меня! Бери все мои деньги, только отпусти...

— Ну-ка, лежи смирно, я проверю твои карманы.

Шпион равнулся и начал кататься по полу.

Пришлось дать ему «под ложечку». Он икнул и на некоторое время затих.

— Вот так-то лучше...

Карманы «монаха» были набиты долларами, франками, фунтами и даже русскими деньгами. На груди, в потайном кармане, оказался маленький браунинг и несколько перстеньков с бриллиантами.

Когда «монах» очнулся, он зло бросил мне:

— Завоюю русская сингиз! Союзники иногда вас не отпустят отсюда! Завес сняют вот на таких же глухих островах или сошлют в Африку!

Я удивился:

— Это почему же?

— А ты, дурак, не понимаешь? У вас в России революция. Со дня на день большевики придушат Керенского, и тогда Россия нам не выдать. Попад, осся, болван, негодяй...

За эти последовала такая отборная ругань, которой я не слышал даже на московских базарах. Пришлось снова «успокоить» моего нового знакомца.

«Монах» оказался матерым немецким шпионом.

УЛЬТИМАТУМ ГЕНЕРАЛА ТАРНОВСКОГО

Операция на полуострове Афон оказалась довольно удачной. Было поймано несколько десятков немецких разведчиков. Помогали нам греческие монахи, которые знали всех своих и легко обнаруживали передатчики шпионов.

Вскоре после этого я получил тяжелое ранение и был направлен в госпиталь.

Весь об Октябрьской революции застала меня на больничной койке.

Одним утром в палату влетела сестра милосердия.

— Иванов, соберись! — приказала она. — Хватит лежать! Другим надо лечиться!

Голос ее был полон злобы. Дочь какого-то сановника, она год назад сбегала из дому с офицером, поехала сюда и теперь вымолила «благородную миссию», презирая тех, кому «миссионеры» помогала.

С трудом я поднялся с кровати и отправился в город Веррия, в лагерь выдворяющихся. По пути меня много раз останавливали французские офицеры и проверяли документы. В глазах, в тоне разговора было столько несправедливости, что я только пожимал плечами. Встретился и группа французских солдат. Они окружили меня, жали руки, хлопали по плечу, угощали вином.

«Что произошло?» — недоумевал я.

Вскоре все выяснилось: в России после Временного правительства, власть взяли большевики.

В лагере выдворяющихся повоело песенным ветром. Мои пели революционные песни, выдвигали командиров из солдат, избрали солдатский комитет.

Нас, выдворяющихся, было около 5 тысяч. Разделены мы были на четыре роты, по 1200 человек в каждой. Утром 12 января по распоряжению русского и французского командования явную роту построили и погнали за город, а горы.

— Стой! — прозвучала вдруг команда.

На скале появился генерал-майор Тарновский, командир нашей второй дивизии. Облаченный в парадный мундир, он оседал на белом коне.

— Браты мои мои! — ахнул ротный остряк Василий Санников. — Никак Георгий Победоносцы!

— Какой Победоносцы? — поддержал кто-то шутника. — У архангелов носы не бывают красивыми. Они, архангелы, нешюные...

По шерегам прокатился смех. Тарновский, покрасневший несколько минут, зачмо крикнул:

— Братцы! Славные воины русской армии! Я говорю сейчас от имени нашего многострадального отчества, от имени французского командования, от имени наших доблестных союзников. Нужно добить арага и с победой возвратиться на родину! Уверен, что вы останетесь верными присяге...

— Какой присяге? — звонко крикнул кто-то из рядов. — Временному правительству, что ли? Его сокрушили, граждане генерал. Иль вы не слышали!

Генерал схватился за эфес сабли, но овалдел собой и продолжал:

— Порядок в России будет восстановлен.

Рисунок П. Пининевича

Можете поверить слову офицера. Большевики через несколько месяцев будут разгромлены...

На рядах выступил представитель солдатского комитета.

— Позвольте вопрос, господин генерал... Когда нас отправляли за границу, офицеры тоже давали частую оговорку, что проделается мы здесь не более года. И в приказе об этом было сказано. Между прочим, в приказе был пункт о немедленной отправке раненых в Россию. Вы намерены выполнять этот приказ?

Тарновский отоблебен от такой «дерзости»: его посмеяли перебить, его дооравивали!

— Обстановка резко изменилась,— вывалил из себя генерал.— Сейчас не до дискуссий об отправке на родину. И потом, куда вы поедете? В России — беспорядки, льется кровь.

— Это мы сами разберемся,— снова перебил Тарновского представитель солдатского комитета.— Мы требуем отправки на родину!

— А я вам приказываю слушаться! — побархотал генерал.— У союзного командования нет пароходов, чтобы отправить нас в Россию. Предупреждаю! Если не будут приняты мои условия, вас обявят изменниками родины и пошлют в Африку на каторжные работы. Ответ я жду двадцать минут.

Но я через двадцать минут солдаты требовали только возвращения на родину.

— Подумайте хорошо! — угрожающе проговорил генерал.— Или Франция или каторжные работы в Алжире. Кто желает верить и правдой служить союзникам, тот шаг вперед! Кто не хочет исполнять священный долг, два шага назад!

Шеренги дрогнули, но через несколько мгновений все дружно сделали два шага назад.

— Преступил! — взорвал Тарновский и выхватил саблю.

Это была команда. Нас, безоружных раненых солдат, окружила марокканская конница и пошла дальше в горы. Конвоиры стагали раненых плетками, давили лошадьми. Один из моих товарищей, вытиснутый из госпитали дорочно, едва тащился позади. Французский офицер все время хлестал его плеткой. Солдат возмущался, плюял себе под ноги и погрозили ему кулаком. Тогда офицер выхватил саблю и по самому плечу отсек раненому руку, но через несколько секунд свалился, истекая кровью. Помочь ему не разрешили, и он остался на дороге...

МЫ ПОПАДАЕМ ЗА КОЛОЧУЮ ПРОВОЛОКУ

Пять часов гнали нас почти бегом. Потом приказали остановиться. Появились французские солдаты, и началась поголовный обыск. Собственно, не обыск, а грабёж. Из мешков вытрягали вещи и продукты, а также все съестное. Командовал всей этой отвратительной операцией лично генерал Тарновский.

Спустилась сумерки. Зимними ночами в Меклондин дуют пронизывающие ветры. Температура снижается до нуля. А у нас не было ни палаток, ни одеял, ни хлеба, ни воды, чтобы вскипятить чай и хоть немного согреться.

Еще утром, прежде чем погавать нас в горы, всех солдат ситно накармлили сильно пересоленной кашей, но каш не дали. Генерал Тарновский распорядился больше не давать нам ни капли воды.

Начались страшные муки жажды. К тому же от быстрой ходьбы открылись ранки. Много терли сознание, падали, стояли и бредили. Даже у здоровых поднялась температура. Хотелось пить. Жажда была особенно невыносимой оттого, что рядом мы все время слышали журчанье горной реки.

Воды! Воды! — стояли бормочанье.

Охраняли нас марокканские и французские. Они видели наши мучения, но, боясь расправы, не решились помочь нам. Наконец один из французских солдат не выдержал, схватил котелок и побежал к реке. Заметив его, офицер что-то крикнул, затем подошел к пугачу и дал длинную пощечину. Солдат резко выпрямился, и широко расставя ноги, медленно пошел на офицера. На всю жизнь врезалось в мою память лицо этого смертельного раненого человека. Оно было бледно, зубы оскалились, изо рта токовой струйкой текла кровь. Офицер в ужасе закричал, и забыв о пугаче, начал стрелять из револьвера. А солдат все шел и шел. Только в нескольких шагах от офицера он рухнул.

Легерь поднялся на ноги, но сразу же заремел затворы, конвоиры выхватили сабли. Пришлось лечь на землю.

Прошло еще часа два. Смеркалось. На небе сияла луна. Сосны и ели лежали на спине и с токовой смотрел на них. Вдруг почувствова: кто тихонок толкает меня в бок и шепчет:

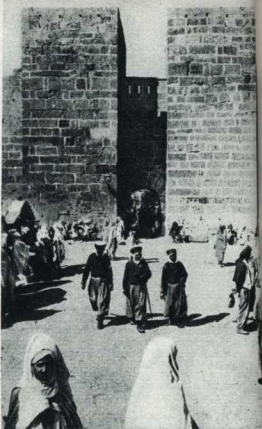
— Русел. Русел!

КНИГА О «ПРИНЦЕССЕ КАШМИРА»

ные сведения о погибшем самолете, экипаже и пассажирах. В разделе «Индия и Принцесса» рассказывается о том, как, например, о том, что лайнер был создан на одном из американских заводов в Калифорнии по заказу индонезийского министра Интернейшна, что до трагического рейса он налетал около тридцати миллионов миль, совершая в воздухе в общей сложности более одиннадцати тысяч часов. В книге опубликованы также краткие биографические данные о членах экипажа и пассажирах. Незабвенным, в частности, такой факт из жизни командира корабля Дитяра. С юношеских лет он мечтал стать летчиком. Однако эта мечта была связана с опасностями профессии пугала родителей Дитяра. «Деду смертя не быгать», — говорил он отцу и матери, — так уж лучше погибнуть в пещели от какого-нибудь динозавра».

Индийский народ достойно оценил самоотверженность и мужество героического экипажа. Известен республиканский наградный лист смертнику капитана Дитяра, старшему лейтенанту лейтенанта Дитяра, старшему лейтенанту провинции Дезу и Пименто Ошай из почетных награду страны — ордене Ашри-Камата. Этот награда — ордене Ашри-Камата. Дитяра и Патгак.

Большой интерес вызвала «Гайна Принцессы Кашира» во многих странах мира. После опубликования ее в «Свене» немецкого издания, она была переведена на польский, германский, демократической Республики, Франции и других европейских стран.

Ворота крепости Тебесса, в которую французские новобранцы заключили русских солдат в феврале 1918 года.

Снимок тех лет.

Француз подал мне котелок с водой. К горлу подкатил комок, даже пить не мог сначала. Пил жаждо, долго. Хотел было вернуть котелок новобранному другу, но тот отрицательно покачал головой и покачал на моего соседа. Так потихоньку напьялись все.

На рассвете нас подняли и погнали вниз, но уже в другую сторону. Часа через три сумасшедшей гонки мы увидели широкую пащадку, обнесенную в три ряда колючей проволокой. Там уже находились русские солдаты из других частей. Они тоже отказались принять ультиматум Тарновского.

За колючей оградой оказалось около 7 тысяч русских солдат. Второй день нам не давали ни куска хлеба. Но мы не падали духом, пели революционные песни, давали друг другу клятвы:

— Что бы ни случилось, ни шаг назад! Оружия против своих не поднимать!

Почв была тревожной. С вышек за нами настроенно следовала вооруженная охрана.

— Хоть бы глоток кипятку! Эй, вы! Зверн проклятые! Огнемку дайте! — кричали солдаты стреляющим.

Пришлось сжимать с себя белое, сжигать его и кинуть в воду. На один котелок уходило четыре пары белых.

Наступил четвертый день жизни за колючей проволокой. Снова ни крошки хлеба. От голода кружилась голова, но ни один человек не дрогнул, не изменил своему слову. Тарновский придумал новое издевательство: к нам явились несколько французских офицеров в сопровождении переводчиков и начали предлагать записываться в повстанческий легион.

Вас будут снабжать, как офицеров,— обещали они.

Мы обступили агитаторов и едва не растерзали их. Спаслись они только бегством. Тогда даже Тарновскому стало ясно, что воли солдат не сломить. Утром 16 января нас подняли по тревоге, вывалили по 60 граммов хлеба и 35 граммов консервов и снова кучкой погнали. Шли мы около тридцати километров без отдыха. У меня открылась язва. Я чувствовал, как теплая струба крови стекла в сапог. В сапоге хлюпало...

На наше счастье, путь преградил разрушенный мост через реку. Часа четыре ушли на его ремонт. Мы кинулись собирать спороз и в зарыве за пять суток адастал напьялись кипятку. После перерыва шли еще километров пятнадцать. Начевали около греческой

KASHMIR
PRINCESS

A S KARNIK

В конце мая в Бомбее вышла отдельная книжка документальной повести Ашри-Камата Каринка «Принцесса Кашира», которая впервые была опубликована в журнале «Смена» в январе — марте 1958 года. Министр обороны Индии В. К. Кришна Менон в своем предисловии к книге пишет, что повесть Каринка привлекает к себе внимание читателей всего континента, вскрывает совесть народов, открывает глаза мировой общественности на политические преступления, одной из жертв которых стал пассамирский лайнер «Принцесса Кашира».

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями, в ней приводятся дополнитель-

церкви. Спали как убитые, даже про голые забыли...

Утром попытка саниitarовать нас повторилась. Французские офицеры теперь уже не предлагали записываться в иностранный легион, а убеждали пойти добровольно на работу.

— Ишь как забурчало, сволочи! — злобно ругались солдаты и категорически требовали отправить их на родину.

— Хотелось бы знать: как вы туда понадете? — усмехались агитаторы.

Часа в два ночи нас подняли, загнали в вагоны по сорок человек в каждую и повезли в неизвестном направлении. Как мы потом узнали, эта поспешная отправка объяснялась тем, что французские рабочие каким-то образом прослышали о наших мучениях и стали протестовать. Впервые в жизни я почувствовал слезу рабочего класса.

Глубокой ночью поезд арестовали. Нас вывели из вагонов, окранными городак погнали в порт и торопливо разместили в тромах парохода... Куда нас везли? На этот вопрос никто из солдат ответить не мог.

ПЕРВЫЕ ДНИ В АЛЖИРЕ

На пятые сутки плавания мы увидели остров Мальту — военно-морскую базу Англии. Теперь мы хоть знали направление: пароход шел к африканским берегам.

— Неужели нас везут на каторгу? В это не хотелось верить...

Как выяснилось после, генерал Тарновский договорился с французским командованием, чтобы в пути нас содержали на голодном паек, выдавая только хлеб и то один раз в сутки. Но капитан оказался благородным человеком.

— Я не тюремщик, а солдат, — заявил он одному из французских офицеров. — Что бы ни сделали эти русские, они прожрали всего два дня. — И приказал кормить пленников три раза в день.

Прошло еще пять суток. На горизонте снова показалась земля. Несмотря на январь, стоял жар. Африка! Она была совсем близко. Кто ждал нас из этой жаркой земли?

Наш пароход подходил к Бизерте.

Измученные, худые, мы медленно спускались по трапу. На берегу толпился народ. Слух о нас дошел, оказывается, и до африканских берегов. «Привлекая публики», разлагавшая нас в лорнет, разлагалась с ненавистью и злобой. Они видели в нас угнетенных и страшных большевиков, свершивших Октябрьскую революцию.

Появлялись другие африканцы. Это была простой люд, белые и смуглые. Они явно сочувствовали нам, бросали апельсины, мандарины, бананы.

С парохода нас перенали на железнодорожную станцию и — скорей скорей! — по старому товарищескому ваям. В каждой вагонке два ста человек. Закрыли снаружи на замки. От тесноты мы задыхались, было нестерпимо жарко...

Сразу за Бизертой потянулись железноградские плантации и сады — апельсиновые, мандариновые, апельсиновые... Казалось, им нет конца.

Мы еще не верили в каторгу, но замки на дверях вагонов потушили последнюю надежду. Да, мы каторжане...

В пути нас случалась беда. Дали себят звать фрукты, на которые мы набросились в порту, а выходить из вагонов не разрешали даже на станциях. Дышать стало чужо. Мы звали часовых, стучали, но двери не открывали. И только когда крики и только тогда нас стали выпускать по одному...

На пятые сутки высадился на станции Тебесса. Первое, что бросилось нам в глаза, была небольшая группа старых арабов. Они были худы, босы, одеты в рубишу. Но даже эти боляки могли считать себя счастливыми по сравнению с нами. Они смотрели на нас с такой глубокой печалью, что сердце ное от их взглядов.

Может быть, нас повезли бы и дальше, да только на этой станции образовался железнодорожный диния, через два-три километра начиналась пустыня Сахара. Вдали зловеще блещали соляные горы. За ними — смерть...

— Да-а, братиш! Загнали нас туда, где Ма-

кар телат не пас, — грустно отстрил Василий Санинов.

Даже этот никогда не унывающий парень из Саратовской губернии замкнулился. Я помнил его розовощеком, с острыми глазами и еще более острым языком. Что бы ни случилось, у него всегда было про запас острое слово. Он подмалывал настроение в самые тяжкие минуты суровой солдатской жизни. Но сейчас сдал даже наш Василий. Он печально глядел потухшими глазами и с ожесточением скреб давным-давно не бритый подбородок.

Нас поместили в ирмичку крепости, окруженную высокой каменной стеной и проволочным заграждением в три ряда. Здесь уже томились русские солдаты, так же, как и мы, отказавшиеся служить во французских войсках.

Спать пришлось прямо на каменном полу. Уже потом наши тюремщики смывались и выдавали соломенные маты для подстилки. Они служили нам и периной, и подушкой, и одеялом одновременно.

Единственной радостью в день приезда в Тебессу был «ирмичный» обед, состоявший из фасолевого супа с верблюжьим мясом. Это был «пир». Даже в сорокаградусную жару мы с жадностью накупились на горячую пишу, которой давно не видели.

На другое утро стали знакомиться с нашим «дворцом» более подробно. Тебесская крепость произвела жуткое впечатление. В высокой каменной стене выделялись множество бойниц, из которых торчали пушки и пулеметы. Около них круглые сутки дежурили часовые. И пушки и пулеметы, как ни странно, были нацелены во внутрь крепости. Стало быть, нас, русских, посмевших извратить желание выехать на родину, считали опасными преступниками. Таких «преступников» здесь содержалось около пяти с половиной тысяч. Среди них третья часть составляли раненые и больные, которые, к тому же, не получали никакой медицинской помощи.

Прошел месяц после нашего ареста в городе Веррия. За это время каких только извещательств мы не пережили! Но еще больше тревожило будущее. Что же от нас все-таки хотят, почему не пускают в Россию?

Через три недели, 1 марта 1918 года, к нам пожаловал сам генерал По, известный к то время французский военачальник. Он был одорук, высок ростом, обладал произвольным взглядом и значим голосом. Генерал приказал выстроить нас на плану.

— Солдаты! — обратился он к нам. — Стране вашей срочно нужна помощь. Неужели вы, русские, можете смотреть, как гибнет Россия под сапогом большевиков!

— Господин генерал! — раздался голос Санинова. — А кто гибнет? Керенский, царские генералы или Россия? Разьясните: непонятно...

— Я говорю о достойных людях вашей страны, — нахмурился генерал.

— Которые угодили вам, а не стране! — раздался чей-то голос с другой стороны.

Третий голос поддержал:

— Почему вы не хотите, чтобы мы сами разбирались в том, что делается в нашей стране? Генерал круто повернулся к сопровождающим его офицерам.

— Здесь целая орда большевиков!

— Смею доложить, генерал...

— Что мне вы доклад! — заорал генерал, не желая слушать офицера. — Я сам вижу, что значит это сборище! — И он резко вернулся к шеренгам. — В последний раз предлагаю одуматься. На юге вашей страны бьются сейчас достойные сыны России. Они предлагают вам вернуться в Россию, чтобы восстановить законный порядок. Союзное командование выдает каждому добровольцу соответствующее вознаграждение. Вашим согласием будет завопиевано вот этой анкете. Все! Даво двое суток на размышление.

Речь генерала возмущала нас до глубины души. Было ясно: нас хотят бросить в братоубийственную войну. Нашими штыками хотят восстановить прежний режим в России.

Не вышло среди нас ни одного человека, который согласился бы участвовать в этом подлом деле.

— Хорошо. Пусть будет так, — заявил генерал, когда нас через два дня снова выстроили на плану. — Я предлагаю вам другое —

временную работу во Франции, разумеется, за соответствующее вознаграждение.

— Нет, господа генерал, — ответил один из наших представителей. — Мы хотим уехать на родину. Это единственное наше желание.

— Верните нам родину! — послышалось со всех сторон. — Отправьте нас в Россию!

— Значит, ни помогать России, ни работать во Франции вы не желаете?

Вопрос погонял и шумо возмущенных голосов. Генерал круто повернулся и ушел. На утро французские солдаты по приказу офицера стали избивать тех, кто обращался к ним с какой-либо просьбой. Это была месть.

В знак протеста против насилия весь лагерь объявил голодовку.

(Продолжение следует).

«В БОРЬБЕ ЗА ЭТО...»

Поэт Игорь Кобзев печатается уже давно. Выпущенный издательством «Молодая гвардия» сборник стихов «В борьбе за это...» — третья по счету книга Кобзева. И хотя в нее включен ряд стихотворений, известных читателю по предыдущим сборникам, она не только не утомляет, но и захватывает. Над ее строками можно и погрузится, и пошмыгать, и глумливо задуматься.

Среди звучащих медлительно, словно, ты так пленительно бышьешь, поэм, что все нам хорошо друзья, Становится все тайными врагами:

Всего лишь четыре строки, а перед нами целая картина, вызывающая много самых различных чувств. Тут и некоторая зависть к счастливой любви поэта, и думы о нем и его поэзии, и поиски ответа на концовку стихотворения.

Тем и привлекают стихи Игоря Кобзева, что все они прозвучали искренностью и человечностью. Когда читаешь его стихи, не думаешь о каком-то «литрическом» герое. Нет, видишь самого поэта, доброго и внимательного, требовательного и гуманного, строгого и заботливого. Ему больно и то, мимо чего порой разозлится проходят люди. В стихо-

творении «После кино», например, поэт рассказывает о том, как девчата, «составясь прожигих», колым обступили подругу, оплакивающую погибшего героя фильма, и угоняли ее, не плакать, потому что ведь это кино, это «все» подстроено, все из фанеры, выдуманно. Далее следуют такие строчки:

Я случайно слышал эти речи
И, хитря в поступки не горюя,
Подожел и ней, выдв яв ее за плечи
И сказал: — Не смеи ни ворчать!

Платье Превосходная кофточка! Но она не простодушная, красивая. Нет, она несет в себе, воздымая мысли, о силе и значении искусства, о восприимчивости человеческих душ.

Игорь Кобзев не пренебрегает ни свежей радостью, ни ярким эпизодом, ни оригинальным сравнением. Но все эти «находки» не кричат о себе, не выпирают в его произведениях. Больше, искренние чувства и мысли, которые в стихах Кобзева, делают их удивительно бескумыси, непосредственными. Кажется, что это не выстрадано, не вымучено кропотливой работой над словом, жестко и свободно вышло само собой. И в этом один из главных особенностей творчества поэта.

М. ЧЕРКАСКИЙ

«СЕРЖАНТ МИЛИЦИИ»

В повести Ивана Лагутина «Сержант милиции», опубликованной недавно Лениздатом, рассказывается о том, как работники советской милиции раскрывают преступление банды ревизионеров. Однако трудность назвать обычные «детективные» произведения. Автор не увлекается только одной «кухней» расследования, он пошел по более трудному пути: стал создавать многогранные реалистические образы. Основным конфликтом в повести является не «преступление и наказание», а борьба новатора с рутинной, гуманизма — с бездушной формализмом.

Николай Захаров, главный герой книги, в прошлом фронтовик, работает милиционером на одном из московских вокзалов и заочно учится за рубежом факультете. Получив направление на производственную практику в уголовный розыск, он берется за сложное дело — поиск бандитов, которых в день совершения преступления задержать не удалось. Магнотракторный и бездушный милиционерский работник Гусенинц, заинтересованный в этом преступлении, решает «скрестить» дело производством, так как «найти преступников невозможно». Такова завязка повести. Динамика этого конфликта сложна покуда все идет, что в поисках банды Захаров идет крутыми, трудными путями, допускает ошибки, не раз заходит в тупик, временами его постигает горькое разочарование. Но в конце концов он побеждает и разматывает клубок преступления.

Автор рисует Николая Захарова и в личной жизни таким же

принципиальным и твердым. Он любит Наташу Лугову, студентку Московского университета, но отношения между ними все время осложняет мать Наташа, Елена Прохорова, которая не хочет, чтобы протитиэтх миссонер. Воля матери берет верх, и Наташа порывает с Николаем. В конце концов Наташа поняла свою ошибку, но было уже поздно.

Наряду с Захаровым перед читателем проходит целая галерея обязательных образов. Надолго запоминаются майор Григорьев, старшина Карпенко, сержант Зайчик, мать Николая Захарова.

Автор умело и выпуко нарисовал также образы формалиста Гусенинца, стилиста Лейчика, Князя, Толика и Серого. Чувствуется, что протитиэтх миссонер «живьем» прошли через руки автора, которому так же, как и его герою, приходилось работать следователем.

Сложно это повесть довольно острый. Ее детективная прожигка, не умаляя художественных достоинств произведения, держит внимание читателя в постоянном напряжении, заставляет поинтересоваться и некоторые переделки. Из-за того, что автор переиграл ткань повествования эпизодическими героями, он не смог уделить достаточно места, и без того, прожигкам. Нервен и язык произведения. Наряду с сочной, удачно найденной деталью и метким эпизодом иногда встречаются общепринятые, избитые фразы.

В целом же повесть «Сержант милиции» — несомненная творческая удача молодого прозаика.

В. НЕВЕРОВ

ОБ АМЕРИКАНИЗМЕ И МИЛЛИОНЕРАХ*

Ярослав ГАШЕК

В 1907 году в Чикаго я влюбился в одного молодого дилеманца, который однажды пригласил меня на прогулку за город и расказал мне следующую историю.

«Наш папаша был жуткий чудак! Он был начинен кучей всевозможных принципов, в большинстве своем сумасбродных, которых и придерживался с ослепшим упорством. Нашу сестренку Индришку он воспитывал в строго религиозном духе, заставляя ее молиться по четырем часам в день, а чтобы контролировать беднягу, постоянно держал в ее комнате фотоаппарат с пузатой трубой, которая предательски фисировала каждую Индришкину позу. В эту трубу мы оба — брат Якуб и я — при всяком удобном случае извергали диня ругательств, передреивая писклявый голос сестры».

На нас же отец не обращал никакого внимания: он утверждал, что из мальчишек можно воспитать настоящих мужчин только в том случае, если не воспитывать их вовсе».

Целое крыло громадного особняка было предоставлено в наше распоряжение. Помимо, когда мы были еще совсем маленькими, наши корымы имели довольно-таки блегообразный вид. Старые друзья уверяют, будто лепка на потолках была прямо сенсационная. Мне трудно сказать, на этот счет что-то об определенное, так как Якуб был мастер превращать эту самую лепку в мусор. Я же больше занимался мебелью. Дирявять напольникам, старый фамильный комод доставлял мне особое наслаждение.

Отец недовольлся к нам лишь в исключительных случаях и всегда как мы звали, оставался доволен нашим поведением. Он умилялся в изи и бурчал:

— Так, так... Усы ав выйдут настоящие мужчины!

Однажды к нему в гости приехал дядюшка Леопольд и желал видеть нас. Как правило, гости не поступали столь опротивительно... Но дядюшка был отшельником, жил где-то в черте на куличках и о наших семейных отношениях ничего не знал. Мы с Якубом ввалились в гостиную, и так как своего дядюшку я видел впервые, то нас охватило искреннее суждение о нем, которое мы без всяких обиняков высказали вслух. Наш праямот как раз больше всего и нравился отцу!

* Рассказ на русский язык переведен впервые.

И хотя мы сделали некоторую скидку на родственные отношения, дядюшка был явно обижен. До сих пор не могу понять, что его так задело! Я ему сказал только, что у него нос, как огурец, а рот до ушей! Якуб добавил: «Да это какой-то брахморок», — после чего я прыгнул на дядюшкин сортух, а Якуб, схватив стачицу у него на карманах блокнот и карандаш. Дядя Леопольд покраснел, как рак, тотчас исключил с кресла и сватки каждого из нас за усю. В первую минуту мы ослобнелись: так грубо с нами еще никто не обращался! Только нашему столбняку дядюшка был обаян тем, что тут же не получил сдачи».

Нам удалось вырваться, причем я успел еще вытереть нос его рукавом, а Якуб — ссыпать ему разок по ребрам!

Тем не менее дядюшкине запальчивые проозаглы на нас глубокие впечатление. Поконда гостиную, мы даже испытывали к нему нечто вроде почтения. Мы вышли и притиснули за дверь, и в этот момент дядюшка выругался. Но он, напротив, говорил спокойной, как лунати:

— Боже мой! И эти маленькие головорезы. Йозафф — твои синовья! Я убежден, что на их воспитание ты до сих пор не истратил ни единого цента!

Зато наш всегда нераскормленный папаша на этот раз возмозлился: «В этом мире никто не смеет упрямиться! Я поскреставал для развития целым крылом своего дома, который недешево обошелся нашим предкам! И, если понадобится, пожертвую ради них и вторым крылом! Убью денег я уже выбросил на штрафы. Я покоролевски оплечиваю их прислушу».

Этим хулиганом я не стал бы прислушивать не к какому миллионеру — сухо заметил дядюшка.

— Ну, а к ним, учителям и прочие глупости я не дам ничего. Я хочу, чтобы мой синовья выросли настоящими мужчинами».

— Два сапога — пара! — сказала я за дверь Якубу, имея в виду папашу и дядю.

Дядя, Петр, добрым делом: попросим его завтра нанять нам воспитателя».

— Ладно! Теолога, — согласился я.

— Зачем мы спускались во двор и разбили камнем одно в гостиную. Пусть насолит дядюшке Леопольду, мы осуществили ряд мероприятий!

1. Приобрели за небольшую

суму соломенный матрац с клопами и водорки его на дядню постели.

2. В механизме его золотого хронометра накапали воску.

3. Раздобыл восемь будильников, звенил их на разное время и поставил дядюшке под кровать.

4. Шуру, лежащую возле его постели, утыкали булавками.

5. У окна дядюшкиной комнаты, на наружном корнixe, привадили за хвост кошку.

Мать была уготовлена!

В эту ночь мы спали спокойно. Там отратительная чувствовал себя дядя. Говорят, что среди ночи в его спальне зажегся свет (видимо, началось охота за клопами). Потом вдруг из окошка вылетел сапог (предназначенный, видимо, для кошки), за сапогом — умыльнялки, ремени, грелки и масса других предметов, обнаруженных прислугой утром под оном. Около двух часов ночи дядя якобы привалился орать благим матом и поднял на ноги весь дом (на два часа мы злепили поруб будильники). Минут через двадцать, разъяренный, он сорвался в спальню отца (разбудивший, разумеется, вторым будильником). В три часа дядю пришлось связать, а под утро его водворили в сумасшедший дом.

Нас с Якубом постигло разочарование: цельял ять будильников не успели выпилить своего назначеня! Очевидно, дядя на за-

метил и того, что случилось с хронометром, очевидно, не все клопы сумели пользоваться им...

Якуб был сильно не в духе и палил в забор из листолета. В конце концов это его утешило, так как беспрестанно посылал наших слуг на улицы, за ворота, и, когда те отказывались, опасаясь пуля, грозил им и ругался. Мы с Якубом всегда отлично дополняли друг друга. Наконец, мне удалось заставить старого Антопа пойти дядя нас за сигаретами. Блудный, как смерть, он прошамгуля мимо Якуба, но улизнуть без потерь ему не удалось: Якуб отстрелил ему три пальца. Во избежание огласки папаша ошестивил Антопа солидной денежной компенсацией. Так поступал он всегда. Вообще он был, как я уже сказал, поразительно человеком, как бы странно это иметь такого предка!

После обеда я и Якуб отменялись к отцу заявить (именно так говорят в Индиржинске) что мы немедленно требуем подыскать для нас учителя. Мы уже заранее предвзвусили, как намурится и расхочет отец. Но получилось совсем иное.

— Что вам?

— Мы хотим воспользоваться, — ответил Якуб и осликаться, как муртышка.

— Отлично! — прогудел отец. — У вас будет отличный учитель! Я сделаю из вас уважения к памяти бедного дядя Леопольда.

Разве этот псих уже противнул юга?

— Пока нет. Но он неovenнелся!

— А нам один черт! — воскликнул братишка. — Только пошлите, старик, учитель не должен быть ноной!

— Ладно, ребятам!

Вторую половину дня мы были в омонидном настроении. А к вечеру поймали крысу и пустили ее в Индиржинскую комнату. В это время стрелочка десятой раз будильника «Отче ное». Она зоряется и с разгону задела на диване. Мы зарешили Индиржинску в коморья, а ключ спрятали...

Прошло три недели, прежде чем отец сумел найти для нас воспитателя: не прельщався высоким жалованьем, все отказывались от нас неотрез! Оно и понятно: мы с Якубом были не из робкого десятка! Наконец дело пошло, замученный жизнью человек решился взяться за наше воспитание.

— Надеюсь, — сказал он нам при первой встрече, — мы станем друзьями...

Мы не лжались с нажимом слугой, — заметил я сыновка.

А Якуб тут же посоветовал наставнику хранить свои надежды про себя.

Новый учитель вло улыбулся, после чего нам стало ясно, что он обыкновенная дубина. Если не ошибаюсь, мы ему сказали об этом прямо в глаза.

— О, из них будут настоящие мужички! — воскликнул отец. В его голосе чувствовалось удовлетворение.

Целых два дня учитель не давал нам повода для расстройств. Слово набрав в рот воды, он сползлся из комнаты в комнату в выжидающей настроенности уюса. Он безразлично съел суп, в который мы насыпали пиретрум, и пошел и бровью, когда во время обеда мы принялись швырять проклятых вареники. Вскоре он вымучился от нас ругаться и охотно релася с нами в двадцать одно.

Однако было заметно, что гдето в душе у него назревает надлом. Три дня спустя он просянулся совершенно седым и тотчас же отправился к отцу просить его набить на окна решетки, а дверь обшить железом. Видимо, это было вызвано тем, что по ночам мы частенько упражнялись в метании топора и мшению нам служила дверь его конуры. Но ведь это просто невинный ночной спорт... Словом, издевались мы над учителем как только могли. Дело дошло даже до того, что мы послали Индиржинске от его имени любовные письма, за что сестреница не раз бывала бита. Учителя божесть, что он невниман, а Индиржинке вместо четырех приходилось стоять шесть часов на коленях с молитвенником в руках. Когда подокот открылся, отец был очень гора ишей проделкой! Наконец пришло то время, когда слава о нас распространилась далеко за пределы отчего дома. В один иллюстрированный журнале появились наши фотографии, сопроводившиеся сенсационной статьей под названием: «Два молодых джентльмена, или заметки о праве сильного». Восхищением мы подстергали редактора этого журнала и набили ему рот ячменной шелухой...

Можно сказать, что мы сделали любовниками толпы. Кто-то написал пьесу «Петр и Якуба, при-

чем от зрителей не было отбою. Дирекция театра посулила нем астрономической куш за то, чтобы мы представились публике. Мы пошли в театр и стали делать на сцене неприличные движения. Когда нам бешено зааплодировали, мы принялись швырять за тухлые яйца. Директора театра тут же хватил кондрашка. В его похоронах принял участие весь город. Мы стали горами дня. Папаша обила нас и первый раз в жизни поцеловал.

— Вы и в мелочах велики, мои дорогие! — нежно сказал нам этот замучительный человек.

Позже он опубликовал брошюру «Как следует обходиться с сыновьями, если вы хотите, чтобы они выросли настоящими мужичками». Брошюра шла маршават...

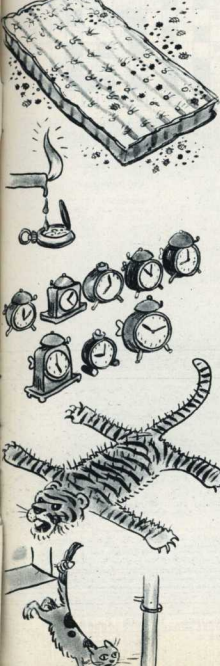
— И все-таки — заключил рассказ мой возлюбленный, — все-таки этот добрый человек ошибался. Якуба в прошлом году повесили, а я зямничусь, чем могу. Например, — Он внезапно вытаращил глаза и проревел: — Руки вверх!

Он взял у меня на память сумочку, золотое кольцо, часы и серьги.

Теперь нас разделяет океан. Но все же я люблю его по-прежнему.

Перевел с чешского
И. ИВАНОВ.

Рисуны Е. Ведерникова.

Доктор технических наук С. А. Павлов, доценты М. С. Монастырник и Н. С. Хромова осматривают изготовленные в институте образцы туфель.

Обувь из искусственной кожи

Многие виды, изготовленные из искусственных, синтетических материалов, прочно вошли в быт советских людей. Сейчас никто не ставит под сомнение дородность и красоту трикотажа из акрила, жемух и чемоданов из заменителей кожи.

Совсем недавно в Московском технологическом институте легкой промышленности создан новый материал — искусственная полиамидная кожа для верха обуви, которая заменит натуральную сыромять. Полиамидная кожа — разновидность так называемых полимеров, вещества, состоящих из гигантских органических молекул, которые под действием температуры и механического воздействия приобретают новые свойства: способность полимеров изменять форму используют для создания неэластичных пластических материалов.

Коллектив кафедры искусственной кожи МТИЛП, руководимый доктором технических наук С. Павловым, в течение нескольких лет интенсивно трудился над получением синтетического материала, который удовлетворял требованиям инженерной промышленности. Доценты Н. С. Хромова, М. С. Монастырник, ассистенты А. А. Касьянова, А. Ф. Пинчукова, аспиранты А. И. Вадина, Н. Б. Захаров провели в лабораториях и мастерских института множество опытов и проб. В научно-исследовательской работе активное участие принимали и студенты, которые в научных и дипломных проектах разрабатывали вопросы, связанные с улучше-

нием технологического процесса производства искусственной кожи.

Из полученного синтетического материала в мастерских института было изготовлено несколько пар обуви, причем в каждой паре один ботинок был шит из натуральной кожи, а другой — из искусственной. Пробные экземпляры отправили в отдел опытной машинки научно-исследовательского института, где они прошли испытание. Из результатов испытаний, сделаны из синтетического материала оказались значительно прочнее своего собрата, шитого из натуральной кожи. Примечательно, что даже специальные-кожаные не могли отличить новый материал от натурального и считали, будто перед ними кожа особог дубленки.

Скоро новый вид искусственного материала будет широко внедрен в массовое производство, и на прилавках наших магазинов появятся ботинки, туфли, сапожки, шитые из кожи, созданной научными работниками и студентами Московского технологического института легкой промышленности.

По мере совершенствования кожи для обуви, на кафедре института созданы синтетические, упругоэластичные изделия, которые сейчас применяются в угольной промышленности. Разработаны и внедрены в производство также эластичные платформы для металлических поверхностей в агрегатах насосов. Они удлинняют срок службы частей нефтяных почти в сто раз.

В. ЮРИН

Первая страница обложки: В астрономическом кружке при Московском планетарии. Студент МГУ Владимир Гуревич следит за полетом третьего искусственного спутника Земли.

Фото М. Муразова.

Четвертая страница обложки: У нашего подъезда.

Фотоход М. Муразова.

В перерыве между лекциями к одному из студентов подошли две девушки.

— Парле в француз? — обратилась одна из них к юноше.

Услышав утвердительный ответ, не замедлила обратиться с вопросом и ее подруга: — Изд англиш соу?

— Нес.

— Так не помозете ли нам, в таком случае, перевести несколько непонятных фраз?

— Силь ву пла... Пинд... улыбнулся студент и тут же перешел два письма, полученные девушками от зарубежных друзей... Это был Владимир Кондратов. Эдак в четиринадцат...

В юном возрасте он владел английским и французскими языками, а начиная с...

9-го класса волею за изучение испанского, немецкого и польского. Сейчас Кондратов учится на пятом курсе университета. Он один из лучших студентов на восточном факультете. За четыре с лишним года Владимир добился positive блестящих успехов, а совершенство изуча турецкий и близкие к нему узбекский, персидский и арабский языки. А всего он отлично знает девять языков.

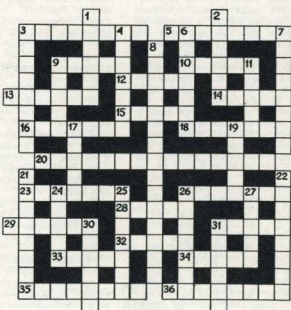
Способный лингвист уже сейчас продолжает разговор турецкий язык студентов второго курса университета.

С. АИШИН

г. Ленинград.

КРОССВОД

Составил В. Гордеев (Иамарская обл.)

По горизонтали:

- Род паровозиторов.
- Вид спортивного соревнования.
- Обработка изделий из дерева.
- Расстройство перчаток.
- Коммунистическая фамилия одной из западных стран.
- Черезвычайный инструмент.
- Древнегреческое рабовладельческое государство.
- Выдающийся политический деятель и писатель девятнадцатого столетия.
- Производимое буддийской религией мистическое состояние, полное освобождение от земных забот.
- Пантеон.
- Вещество, повышающее светочувствительность фотопластинок.
- Эгод для вина.
- Знаменитый дирижер Фидель-Филиппов симфонического оркестра.
- Срочная, неотложная работа.
- Городская акведук, получаемая при комковании углей.
- Знаменитый горняк ославского тыфлова при езде.
- Металл, произведенный для дальнейшей обработки.
- Болезнь.
- Вывесочное указание на железнодорожной станции на острове Сахалина.

По вертикали:

- Мелкий темп в музыке, сменяющий медлность или состояние задумчивости на оживленный просод.
- Выдающийся ученый Средней Азии XI века.
- Представительница народности в Средней Азии.
- Президент Франции.
- Наука о строении животных.
- Древнегреческий сюжет.
- Персонаж романа Л. Толстого «Тотем и табу».
- Венчелозное животное — душистый перец.
- Отверстие в дымоходной печи, через которое выпускают металл.
- Взрывчатое вещество, полученное из азотной кислоты.
- Итальянский композитор XVII века.
- Сложный случай, происшедший в Абриче.
- Прогноз в метеорологии.
- Составитель 27 Отцов, тонкое различие (в науке, красноречии, суждениях).
- Французский пейзажист XVIII века.
- Песня, внаша в греческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДУК, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По окружности:

- Данко.
- Колба.
- Птаха.
- Лавот.
- Оскол.
- Альма.
- Узбек.
- Амьен.
- Русак.
- Орден.
- Рафина.
- Вихор.
- Одесса.
- Грунда.
- Путь.
- Клод.
- Девиз.
- Фанас.
- Совет.
- Гусев.
- Намиб.
- Смед.

38. Магма.

39. Онегт.

40. Индия.

По радиусам:

- Аллинган.
- Кружок.
- Ташарто.
- «Хорошо».
- Отальяно.
- Вратск.
- Андреев.
- Юность.
- Сингапурс.
- Ошаани.
- Куб.
- Род.
- Ваза.
29. Корт.
30. «Буря».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

- Титаник.
- Варод.
- Рипотева.
- Синфанд.
- Кюбо.
- «Мавон».
- Кроп.
- «Шоа».
- Ганг.
- Вена.
- Крым.
- Буг.
27. «Комис».
28. Ортли.
- Хайберга.
32. Аннунцини.
33. Синолог.
34. Болнина.

По вертикали:

- Нинетти.
- Лафонтен.
- Шестоп.
- Ват.
- Тавгаров.
- Сардина.
- Арат.
- «Стор».
- Аванс.
- Варлом.
- Меркурий.
- Вандий.
23. Рада.
24. Рнда.
25. Сидни.
26. Летог.
30. Бискор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

- Кубрик.
- Робсон.
- Албания.
- Верден.
- Югос.
- Колхозник.
13. Югос.
- Каприон.
17. Ситни.
- Кучаняр.
30. Смольнов.
22. Арена.
23. Маргес.
26. Филал.
29. Ратинари.
30. Аргист.
31. Аргон.
32. Угломер.
33. Терон.
34. Оבלана.

По вертикали:

- Кованя.
2. Вархат.
3. Катно.
4. Валтор.
5. Рибен.
6. Сенегор.
7. Нанес.
11. Комбайн.
12. Каллоно.
14. Отмашля.
16. Отурия.
17. «Млада».
18. Кухва.
21. Неприва.
22. Мачурт.
24. Ректор.
25. Нентун.
26. Фигур.
27. Люстра.
28. Арца.

Редакция: Г. Гула, Е. Долматовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Лукони, А. Ремезов.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-66, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очертка и публицистика, физкультуры и спорта, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69, оформления, иллюстраций — Д 3-34-22.

А. 05472. Подписано и печатано 4/VI 1958 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 846. Заня 5.066.

Технический редактор Е. Чуфистова.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ

Лев ХАЙЛОВ.

Из серии «Советский спорт».

Цена номера
2 руб.